

16+

Александр Осипов

Игра слов

Правда о любви и казино

Александр Осипов

Игра слов

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Осипов А.

Игра слов / А. Осипов — «ЛитРес: Самиздат», 2010

ISBN 978-5-532-93473-3

Короткий роман о современных людях, которые меняют мир, чтобы измениться. И меняются, чтобы изменить свою жизнь. История о казино почти документальна. Все остальное придумано, но могло быть правдой.

ISBN 978-5-532-93473-3

© Осипов А., 2010
© ЛитРес: Самиздат, 2010

Александр Осипов

Игра слов

– А теперь самое важное...

Крупные капли первого весеннего дождя плющит по стеклу.

– Самое важное – это слоган. У всей рекламной компании должен быть яркий запоминающийся слоган.

Глуховатые удары дождевых капель прерываются только гулко возникающей напряженной тишиной.

– Слоган – это стержень, который в сознании человека соединит всю информацию воедино.

Наш клиент уперся в меня, как в забуксовавшую машину, внимательным взглядом. Когда-то он строил заводы по всему миру, и, видимо, чаще строил в жарких тропиках. Его светлые волосы не были седыми, просто они выцвели. Он потел даже под кондиционером, и все время платком вытирал шею. Глубокие складки на его лице не были морщинами, наверное, примерно так трескается земля, не выдерживая напора солнца.

– Слоган – это то, что запоминается прежде всего.

Создавать театральную паузу перед важными фразами я научился раньше, чем важные фразы придумывать. И почему все-таки эта пауза так важна? Разве сказанное после паузы станет умнее, смешнее или, наоборот, трагичнее?! Я могу прекратить этот балаган, произнеся одно лишь слово... Но пока я не буду этого делать, потому что натянутая как нить тишина мне сейчас важнее аплодисментов, которых, кстати, скорее всего, не будет.

– Слоган – это якорь в сознании. Вспомнится слоган, и вспомнится все остальное.

Было так тихо, что казалось, что кончился воздух.

Шеф заволновался:

– Ну, не тяни...

Ему показалось, что моя театральная пауза затягивается. Он ничего не понимает в паузах. Для меня эти паузы необходимы также, как удаву нужен его взгляд на кролика. Пауза – это просто часть будущего слова. Без этой паузы часть будущего смысла не будет понята. Для будущего слова моя пауза как одежда для женщины... Как упаковка для дорогого товара... Как макияж для лица... Шеф, конечно же, ничего не понимает в паузах, но его нетерпение делает паузу гуще.

Я неторопливо пошел к трем большим планшетам. Есть проверенный способ придать своим словам особый смысл. Надо молчать и двигаться с имитацией смысла. Иногда мне кажется, что мои движения в таких ситуациях – это разновидность балета. Я себе, конечно, льщу, но, уверен, балет давно бы умер, если бы люди не чувствовали бы себя время от времени танцорами на неведомой сцене.

Я подошел к первому планшету и резко, с шумом, перевернул лист. Под ним была большая фотография солдат в парадной форме, стоящих по стойке «смирно». Вздых недоумения пронесся по кабинету. Я сделал над собой усилие, чтобы выражение моего лица оставалось частью моего молчания.

Я медленно подошел ко второму планшету, и по-утреннему лениво перевернул лист. Под ним была та же фотография солдат, но уже на фоне строящихся заводских корпусов.

Я дождался, когда стихнет пронесшийся шепоток, и сказал по-военному громко и четко:

– Стройся!

На третьем планшете это слово было выведено красным цветом шрифтом военного устава над солдатским строем и заводскойстройкой. Чуть ниже был логотип нашего заказчика – компании, занимающейся промышленным строительством.

Гнетущую тишину нарушало только всеобщее молчание.

Клиент начал переваривать мою мысль как удав переваривает кролика, только теперь удавом был не я, а он. Иногда мне даже казалось, что я вижу, как этот кролик еще дергается где-то в пищеводе. Он наклонился на своем ежедневнике, сделал несколько движений своим «паркером», слишком размашистых, чтобы даже издали можно было поверить в то, что он на самом деле что-то записал. Скорее всего, что-то рисует, как когда-то рисовал на скучных школьных уроках. Он, конечно, умный мужик. Говорят, строитель в пятом поколении. Без его выцветших волос и отборного незлого матерка стройплощадку сложно представить. Но в нашем навороченном бизнес-центре с мраморными туалетами он даже в дорогом костюме почему-то похож на сантехника.

– «Стройся!» – это идеальный слоган, потому что он состоит всего из одного слова. Но у этого слова много значений. «Стройся!» – это военная команда, которая будет ассоциировать вашу компанию не с бандами гастарбайтеров, а с элитной военной структурой, готовой четко выполнить любой приказ. «Стройся!» – это слово является однокоренным со словом «строительство». Многозначность этого слова создает второй план... Игра слов... Понимаете?

Что мне еще сказать этим балбесам, чтобы они поняли как для меня важно, чтобы они закивали мне в ответ? Я могу добавить только то, что это слово – это единственное, что я смог придумать за две недели. Только одно слово за десять рабочих дней... Меньше одной буквы в день. Если они закивают, за это единственное произнесенное вовремя слово я получу около тысячи долларов премиальных. Больше ста долларов за букву. Если я сейчас им это скажу, они окончательно перестанут меня понимать. Лучше буду учиться у воздуха молчать.

– В этом что-то есть, – сказал клиент. Он чуть наклонился к лежащему перед ним ежедневнику, что-то чирикнул в нем, наверное, дорисовал машинку или самолетик... Его вежливое непонимание было почему-то вдруг резко воспринято как бурное одобрение.

– Ну, вот и отлично! – скороговоркой проговорил шеф. – Я был уверен, что вам понравится эта идея! Над ее графической реализацией мы еще поработаем, а сейчас давайте обсудим медиа-план.

Клиент посмотрел еще раз на планшеты с рисунками, но шеф быстро подошел к планшетам, чтобы перехватить этот взгляд.

– Хочу подчеркнуть, – строго сказал он, – что мы одно из немногих в нашем городе рекламных агентств, которое не настаивает на стопроцентной предоплате и готово к поэтапным платежам. Так мы подчеркиваем, что мы с нашими клиентами готовы идти вместе непростым путем бизнес-развития.

Мне показалось, что кто-то хлопнул в ладоши.

– Я одобряю ваш подход, – выдохнул клиент и вышел из-за стола. – Обсудите детали без меня. На будущей неделе я подпишу договор.

Когда клиенты ушли, первым к шефу подбежал Серега, наш коммерческий директор.

– Хорошо, шеф, вы его поймали на слове! До чего же вы вовремя ввернули, мол, я был уверен, что вам понравится идея. А про поэтапные платежи – это вообще было в тему!

– Да, хорошая работа. – Шеф старался похвалить себя так, чтобы не обидеть никого из подчиненных. – Ну, я так думаю, надо завтра отметить...

Я неторопливо убирал планшеты. Оказывается, ловить на слове уже стало работой... Почему бы собственно этому и не быть работой? Рыбаки ловят рыбу на червя... Женщины ловят мужчин на мини-юбки и яркий макияж... Мы ловим клиентов на оброненное ими слово... Никакой видимой разницы. Видимо, именно это меня и настораживает.

– Контракт-то хороший, – подошел я к шефу. – Только я сам так и не понял, зачем компании, которая специализируется на промышленном строительстве, мы впариваем телевизионные ролики и наружную рекламу. У них в нашем городе не больше ста потенциальных клиентов. Надо было предложить им сделать хороший сайт, провести директ-мэйл, поучаствовать в специализированной выставке – и они получили бы такой же результат...

– Только такой рекламный контракт будет в десять раз меньше. И каждый из нас, в том числе и ты, получил бы в десять раз меньше денег, – не по-отечески жестко перебил шеф.

– Мы только что продали «Мерседес» человеку, который был готов ездить на «Жигулях», – с нескрываемой гордостью произнес Серега. – Это и есть высший пилотаж в бизнесе.

– У нас во дворе за такое били до первой крови, – скорее себе, чем кому-то, сказал я.

– Знаешь, я давно уже перестал понимать, где в этом мире коммерция и где обман или, быть может, это и есть одно и то же...

Шеф на секунду прервал самого себя, задумался неглубоко и искренне, и продолжил:

– Более того, никому не советую задумываться над этим.

Шеф молча еще немного поспорил сам с собой, но больше ничего не придумалось, и он сказал то, чего более всего ждали от него мои коллеги:

– Хватит лирику разводить. На завтра ничего не планируйте: будем отмечать.

Дождь барабанил по крыше машины все сильнее, будто просился сесть на соседнее кресло, чтобы покататься со мной. Я уже видел Кристину под козырьком заводской проходной, но ближе подъехать не мог: все пространство между нами было заставлено прямоугольниками крыш припаркованных машин. Кристина работала помощником одного из директоров этого крупного завода. Еще она подрабатывала в паре модельных агентств, и около года назад один из бутиков выбрал ее по моей рекомендации для фотосъемок новой коллекции одежды. С тех пор мы были вместе.

Зима отучила думать о дождях и зонтиках. Кристина еще немного постояла под крышей, ей, видимо, нужно было время примириться с непогодой, а потом побежала к машине, пытаясь прикрыть свои шикарные волосы небольшой дамской сумочкой. «Жаль, что она просто бежит от дождя. Жаль, что она не бежит так ко мне», – мелькнуло у меня в голове. Открывая шире дверь машины, она наклонилась, грудь красиво колыхнулась, я не мог этого не заметить, Кристина не могла не заметить мой взгляд. Мы оба были довольны: я Кристиной, Кристина – собой.

– Я не могу в таком виде ехать в гости, – первым делом сказала Кристина. – Мне надо переодеться.

– Мы не в гости едим: мы едим к нашим друзьям, – уточнил я.

Нас уже минут двадцать ждали Стас и Иринка. Они недавно вернулись из Франции и пригласили нас «на Париж». Мы ходим к ним довольно часто, но обычно это называется «прийти на курочку». Сегодняшний вечер должен был стать каким-то особенным, на это намекал Стас и просил приехать пораньше.

– У меня есть платья для вечеринок, которые я не одевала уже полгода, – настаивала на заезде домой Кристина.

– Сегодня пятница, уже вечер, в городе полно пробок, мы уже опаздываем, – не сдавался я.

– Мне очень хочется одеть сегодня твой подарок, – как опытный полководец зашла с другого фланга Кристина. – Как только я надену вечернее платье и твое жемчужное ожерелье – это будет означать, что начались выходные.

Я сдался, и мы поехали домой. Я знал, что дальнейшее сопротивление бесполезно. Я понимал, что Кристина могла еще зайти с тыла, начав говорить, какой я привлекательный мужчина. Если в тот момент я был не склонен верить сказкам, и она наталкивалась на мой недо-

верчивый взгляд, то тактика менялась: она начинала говорить о том, какой я умный и талантливый, против чего я не мог возражать в любом расположении духа. Если мои причины не соглашаться были действительно серьезны, то тогда Кристина применяла тактильные слова, которые почему-то всегда были убедительнее обычных слов, и после ее поцелуев я потом долго стирал следы губной помады с шеи, щек, ушей...

– Извини, я не хотела на тебя давить, – говорила Кристина, добившись всего, чего хотела.

Словами и губами она играла мною как щенком, и иногда мне это даже нравилось. Недавно я заметил, что наше общение все больше состоит из взаимных уговоров и упрашивания. Раньше, чем я успел этому огорчиться, я успел подумать, что это вполне нормально для отношений фотомодели с мужчиной небогатым и не очень красивым, и поэтому не огорчился.

На ужин к Стасу и Иринке мы опоздали больше, чем на час.

Со Стасом я познакомился лет восемь назад, когда покупал на авторынке свою первую машину. В той «девятке» меня устраивало все, кроме мерзкого взгляда ее владельца и цены. Этот взгляд голодного добермана я не мог не замечать, но мог с ним примириться, а вот с ценой мне примириться не удавалось – тупо не хватало денег. Я уже несколько раз подходил к этой машине, пробовал торговаться, но мерзкий взгляд мешал мне сосредоточиться, и у меня получалось скинуть только сто долларов да и то при условии, что он заберет магнитолу.

– Меня Стас зовут, – представился симпатичный парень, мой ровесник, с явными симптомами высшего образования в манерах и одежде. – Хочешь, помогу купить эту машину?

После нескольких дней безуспешных попыток уравновесить свои желания и возможности я был согласен на все, даже на чудо.

– Попробуй, – ничего не пообещал я за помощь.

Стас подошел к «девятке», вынул из-под дворника бумажку с характеристиками машины и крупно нарисованной ценой в четыре тысячи пятьсот долларов, долго и пристально ее рассматривал, и только владелец машины собрался что-то сказать, как Стас на полувздохе его перебил:

– И сколько же стоит твоя красавица?

– Четыре пятьсот. Тут же написано.

– А на самом деле?

– И на самом деле четыре пятьсот, – уже не столь уверенно ответил взгляд добермана.

И добавил: – Но торг возможен.

– Хорошо, давай торговаться, – с напором произнес Стас. – Я предлагаю четыре тысячи двести.

– Не-е, я не согласен, сбрасывать триста баксов – это слишком жирно, – ответил владелец «девятки». – Ну, ты еще подумай...

– Хорошо, я подумал, – быстро, с еще большим напором сказал Стас. – Мое следующее предложение за эту машину – четыре тысячи долларов. Ровно!

Владелец «девятки» опешил: он наверняка ожидал услышать совсем другую цифру. Похоже, так с ним еще никто не торговался.

– Это твоя последняя цена?

– Нет, не последняя. Мое следующее предложение будет еще на двести долларов меньше.

Воскресный день заканчивался. Покупателей было уже намного меньше, чем выставленных на авторынке машин. До следующих выходных здесь будет затишье. Не знаю почему, из-за нежелания ждать еще неделю или под напором Стаса, но продавец вдруг согласился:

– Ладно, забирай за четыре тысячи сто.

– Но при условии, что ты оставишь магнитолу.

Мы быстро переоформили машину, рассчитались и вместе со Стасом поехали отмечать покупку. Я предлагал ему сто долларов честно заработанных комиссионных, но он категорически отказался:

– На машину так все равно не накопишь.

Стас так же, как и я, недавно закончил университет, но другой факультет – физический. Как и большинство знакомых мне физиков, он великолепно разбирался в мировой литературе, не хотел работать учителем в школе, любил качественные вещи, но не имел на них денег. На авторынок он время от времени приходил просто помечтать. Так в один день у меня появились первая машина и лучший друг.

Кристина пошла на кухню помогать Иринке, а мы со Стасом уселись пить привезенное из Франции вино.

– Стас, я сегодня обманул клиента или нет? Я украл деньги или честно их заработал?

– То, что делаешь ты – это как минимум безобидно, – Стас смаковал вино и каждое свое слово словно перемешивал с густым ароматным напитком. – Играют словами, терминами, фактами очень многие. Врачи иногда скрывают настоящий диагноз, чтобы поддержать веру больных в выздоровление. А на следующий день они же придумывают ненужные анализы и процедуры, чтобы выкачать побольше денег из почти здорового человека. Меня очень занимают журналисты: никак не могу понять, кого они больше дурачат – самих себя или нас? Но больше всего лукавят юристы. Когда я иногда читаю детективы, то, если бы я был адвокатом, то всегда добивался бы оправдания главного героя, если бы прокурором – всегда отправлял бы его на виселицу.

В комнату вошла Иринка с большим серебряным блюдом, красиво сервированным куриным мясом и овощами. Она принадлежала к той исчезающей категории женщин, которые продолжают готовить дома, имея возможность этого не делать. Иринка неплохо зарабатывала, у них дома всегда была ее любимая черная икра и хорошее вино, они могли позволить себе каждый вечер заказывать еду из ближайших ресторанчиков, что иногда и делали, если Иринка задерживалась на работе. Но при любой возможности Иринка готовила сама, и готовила вкусно. Даже из обыкновенной курицы ей удавалось создавать кулинарные шедевры. Наедине со мной Стас не соглашался с моими восторженными оценками иринкиной стряпни, говорил, что у меня невзыскательный вкус, что я, став поклонником китайской кухни, окончательно потерял в его глазах свой кулинарный авторитет, но в глубине души гордился этими домашними ужинами, иринкиной суетой на кухне и самой Иринкой.

После ужина мы смотрели их парижские фотографии. На некоторых фотках Стас и Иринка целовались, умудряясь при этом во все глаза смотреть в камеру.

– Это нас японцы фотографировали, – Иринка вместе с нами всматривалась в фотографии, радуясь, будто видела их впервые. – Японцев в Париже уже наверняка больше, чем в Токио.

Иринку сложно было назвать красавицей, но даже в домашнем халате или в кухонном переднике она производила впечатление женщины ухоженной и знающей себе цену.

– Я неосмотрительно пообещала целовать Стаса за каждую интересную историю из жизни Парижа. Пришлось зацеловать его до полусмерти. Никакой романтики – просто выполняла свое обещание, – сказала Иринка, плюхнулась к Стасу на колени и весело и неромантично громко чмокнула его в щеку. – Я, дура, заказала кучу экскурсий по Парижу, а потом половину отменила, потому что слушать Стаса оказалось гораздо любопытнее да и дешевле

Она всегда энерджайзером заполняла пространство всей комнаты, но при этом умудрялась никому не мешать.

– Самой смешной была экскурсия по д’артаньяновским местам Парижа, – рассказывал Стас. – Оказывается, «Три мушкетера» – любимая книга французов. Они влюблены в д’Арта-

ньяна сильнее, чем мы в Штирлица. С умным видом экскурсовод показывал на какое-то современное здание и говорил, что во времена, описанные Дюма, здесь была улица Генего, а вон там, где сейчас универмаг из стекла и бетона, была улица Дофин, и вот, мол, теперь вы легко сможете представить то место, где встретились д'Артаньян и герцог Бекингэм, прибывший на тайное свидание с французской королевой. И говорил все это экскурсовод с таким серьезным видом, как будто эта встреча была на самом деле. Самое богатое воображение, безусловно, у японцев, потому что они с восторгом фотографировали те дома, которые не имели к мушкетерам никакого отношения.

– Ты слишком строг к французам, японцам и к действительно великому литературному произведению, – решил я заступиться за Дюма. – Ведь практически у всех героев «Трех мушкетеров» есть свои исторические прототипы. И д'Артаньян, и Бекингэм – это реальные люди. Я уже не говорю про Анну Австрийскую и кардинала Ришелье. И ты это отлично знаешь...

– Я слишком хорошо это знаю, и поэтому было весело и грустно одновременно, – продолжил Стас, перебирая свои французские фотографии. – Уже после возвращения я почитал переписку герцога Бекингэма со своим любовником – английским королем Яковом. Бекингэм писал, что их соединяет нечто большее, чем «любовь, связывающая мужа и жену», а Яков называл его «нежной женой». Письма он подписывал так – «любящий папочка и муж». Как только у Якова умерла жена, он сразу подарил ее украшения красавчику Бекингэму.

– Получается, что у гомосексуалиста Бекингэма никакого романа с Анной Австрийской на самом деле быть не могло? – очень заинтересованно спросила Кристина, будто речь шла об ее коллегах по работе или соседях по лестничной площадке.

– Во все времена для королей и их приближенных менять ориентацию было совершенно естественно. Сегодня ты католик, завтра протестант... Сегодня тебя любит король, завтра ты любишь королеву. Так что стоит доверять многочисленным воспоминаниям о том, что Бекингэм действительно был без ума влюблен во французскую королеву, и, более того, Анна тоже была неравнодушна к герцогу.

Иринка с восторгом, открыв рот, рта не открывая, смотрела на Стаса. В эту минуту она им гордилась, и я невольно залюбовался ее гордостью.

– Вот видишь, сильные чувства между этими людьми действительно были, и значит, все вариации Дюма на эту тему оправданны, – продолжал я заступаться за классика. – На самом деле, почти все, что мы знаем, состоит из того, что было на самом деле, и ошибок и фантазий всех тех, кто потом это все пересказывал. Чего больше остается в итоге – правды или вымысла? – не знает никто. Да и так ли это важно? Если тебе интересно, это уже не плохо. Если поучительно, то вообще здорово. Смысл истории и историй для нас не в том, насколько они правдивы, а в том, могут они тебе сегодня чем-то помочь или нет.

– Возможно, версия Дюма действительно интересна и поучительна, если не знать, что было на самом деле, – Стас умел и любил соглашаться: так отступают животные, чтобы потом резко напасть из засады. – Бекингэму однажды действительно удалось случайно остаться наедине с французской королевой, но не более десяти минут, и не в Лувре, а в Амьене. Никто не знает, о чем был этот их последний разговор, но именно после него Бекингэм решил завоевать Анну и заодно всю Францию. История с бриллиантовыми подвесками – это для детей. На самом деле, вернувшись в Англию, Бекингэм организовал и возглавил военный поход на Францию. Его войска были разбиты. Все было против него. Француженкой была жена тогдашнего английского короля Карла I. Французы-протестанты в Ла-Рошели стали воевать с англичанами-протестантами и не выступили против французов-католиков, на что очень рассчитывал Бекингэм. Родственная кровь оказалась сильнее, чем родственная религия. Он сам чудом остался жив при отступлении. Но Бекингэм снова собирает войска, и снова терпит сокрушительное поражение. После этого он получает письмо от Анны Австрийской, но не с просьбой вернуть подвески, а с уговорами прекратить войну, начатую из-за нее. Бекингэм воспринял это

письмо как предложение о капитуляции, почувствовал себя оскорбленным и вопреки всему начал готовить третий поход на Францию. Незадолго до очередной попытки силой отбить Анну его убил другой оскорбленный мужчина – лейтенант Джон Фельтон, которому Бекингэм не разрешил занять место погибшего капитана во время предыдущей высадки во Франции.

– Вот это сюжеты! Вот это страсти! – проговорила Иринка тихо, и от этого восторженность ее интонации прозвучала особенно громко.

Стас чуть смущенно улыбнулся, будто только что сказанное было комплиментом в его адрес. Впрочем, наверное, так оно и было. Во всяком случае, интонация точно принадлежала только ему.

Он отпил пару глотков вина и продолжил:

– Художественная литература ужасно далека от народа. Вымысла, подтасовок и глупого вранья в романах больше, чем в сплетнях старушек у подъезда. Дистанция между реальными событиями и описанными в книгах – колоссальная. Я говорю не только про исторические персонажи, а про все персонажи, хоть немного претендующие на реалистичность. Разница в описаниях чувств и тем, как реально чувствуют люди, примерно такая же, как разница между реальными отношениями Бекингэма и Анны Австрийской и теми, которые описал Дюма. Да, вроде бы и в романе, и в жизни это называется одним словом – любовь. А по сути роман не имеет отношения к реальности. Это лишь игра воображения господина Дюма, его фантазии, отчасти галлюцинации, иногда просто бред. Все, что делают писатели, может быть интересно только их психоаналитикам, да и то при условии, что психоаналитикам хорошо платят. К этому нельзя всерьез относиться. Мы же не относимся всерьез к мультикам. Беллетристика – это мультики для взрослых. Я давно не читаю романы. И вам не советую. Есть неплохие мемуары. Практически вся западная психологическая литература довольно популярно написана. В таких книгах меньше жонглирования фактами, эмоциями и словами, и поэтому больше жизни.

– Какой Париж замечательный город! – не к месту воскликнула Кристина. Что в переводе, конечно же, означает: «Я хочу в Париж!»

Почти весь вечер она мило сучала, какое-то время ей это даже нравилось, но потом надоело.

– Я хочу в Париж!

Что в переводе, конечно же, означает: «Ну, когда же и мы полетим в Париж!»

Следующую фразу Кристина говорит уже с вызовом и как-то подозрительно сильно обнимая мою шею:

– Ну, когда же и мы полетим в Париж!

Что в переводе означает непере译имую игру слов с использованием гламурного мата.

Я не стал дожидаться, когда изящная нецензурщина оскорбит слух ни в чем неповинных хозяев этой вечеринки, и сказал:

– Твое черное вечернее платье очень подойдет для нашего посещения Гранд-Опера!

– Хотя ты в одежде абсолютно не разбираешься, но в данном случае ты прав, – согласилась Кристина.

Иринка меня подначила:

– Думаю, для вечера в Гранд-Опера можно и новое вечернее платье купить.

– А вот ты разбираешься в одежде, и поэтому с тобой я согласна еще больше.

– Итак, я все понял, и мы идем покупать вечернее платье!

Интересно, я пообещал Кристине поездку в Париж или все-таки можно будет отделаться еще одним вечерним платьем?

Мне очень легко с Кристиной. Иногда мне кажется, что я все время играю с ней, как когда-то в детстве играл с котенком. Я бросаю ей слова, как когда-то бросал фантики пуши-

стому Барсику. Чтобы легко жить с Кристиной, достаточно лишь придумывать игру из всего, что нас окружает.

– Послушай, Иринка, если у меня есть мысль, то, пока я ее не выскажу, она, как соринка в глазу, мешает мне спокойно смотреть на мир.

– Ладно, успокой свое зрение, если, конечно, твоя мысль не слишком пошлая.

Вошел Стас:

– Будь осторожнее с ним: он занимается рекламой.

– Я понял, Иринка, кого ты мне напоминаешь. Ты – птица, яркая птица, обустроивающее свое гнездышко, и в тоже время ты – птица, готовая в любой момент улететь из гнезда. В этой готовности улететь в любой момент есть особая притягательность, заставляющая ценить любой момент твоего нахождения в этом гнездышке. Но, если ты вдруг улетишь, есть уверенность, что ты вернешься. Может быть не сразу, но вернешься обязательно. Потому что здесь твое гнездышко, а не клетка.

– Мне он ничего такого говорит, – с театральным изумлением произнесла Кристина, незаметно подошедшая.

– Не ревнуй: знания Стаса мне много ближе патетики твоего гениального рекламиста. Но все равно спасибо тебе, – Иринка повернулась ко мне с незащищенной улыбкой женщины, инстинктивно желающей нравиться даже тому, к кому она равнодушна. – Возьми с полки еще одну бутылку вина.

Кристина и Иринка остались в комнате рассматривать парижские покупки, а Стас забрал для серьезного разговора на кухне меня и бутылку вина. То, что для Стаса этот разговор очень важен, я понял по тому, как тщательно он закрывал дверь, чтобы нас не было слышно.

– Я знаю, как выиграть на рулетке!

Для меня эти слова Стаса прозвучали примерно как «я завтра повешусь!»

– Лучше бы из Парижа ты привез веселую болезнь, а не эту бредовую мысль, – брякнул я первое, что пришло в голову.

Стас не обратил внимания на мою невольную искреннюю грубость.

– Пойми, я не горю желанием шляться по казино, но я знаю, как выиграть, и считаю, что этим знанием надо воспользоваться.

– Стас, не смей меня, – я искал возможность свести разговор к шутке. – Ты изучал точные науки, и должен отлично понимать, что проигрыш в казино – это налог на плохое знание математики.

Стас резко погрузнел. Он сидел на табуретке, переплетя ноги, скрючившись, сторбившись, и, казалось, старел на глазах.

– Мне надоело быть бедным.

– Дело только в деньгах?

– Дело всегда только в деньгах...

О деньгах мы со Стасом говорили редко, у меня было устойчивое впечатление, что деньги его мало интересуют, и этой способности Стаса обходиться тем, что у него есть, я даже немного завидовал. Он уже третий год работал простым охранником, правда, в престижном бизнес-центре. Зарабатывал он по питерским меркам нормально: на жизнь хватает, но копить уже не получается. Самым привлекательным в своей работе Стас считал ночные смены, когда в опустевшем здании он мог читать и снова читать. «У меня иногда ощущение, что моя зарплата зависит от количества прочитанных мною книг», – хвастался он. На работе его ценили, потому что Стас всегда охотно менял свои дневные смены на ночные. Об автомобиле он уже давно не мечтал, по крайней мере, вслух.

– В Париже богатых людей не больше, чем у нас. Но там много благополучных людей. Их видишь сразу. Они всегда готовы тебе улыбнуться. Они все делают с удовольствием: пьют в кафе утренний кофе, болтают, целуются, покупают фрукты или бриллианты, любуются с балкона своей улицей... Там тратишь деньги, и сразу чувствуешь, что тратишь их не на пропитание и тряпки, а на удовольствия. Я там впервые почувствовал, что деньги – это некое шестое чувство, без которого остальные пять неполноценны.

– Найти другую работу, сделай карьеру...

– Ты прав... И только что у меня появилась блестящая и абсолютно не авантюрная бизнес-идея, которая озолотит нас обоих. Я много об этом думал в Париже. Я предлагаю продать кому-нибудь Эйфелеву башню на металлолом. Как тебе моя идея?

– Это не твоя идея. Попытки продать Эйфелеву башню уже были и даже, говорят, удачные. Теперь этот фокус уже не пройдет.

– На самом деле, я давно ничего не умею, кроме чтения книг.

Стас не выпрямлял спину, не пил вино и не смотрел на меня.

– Я знаю, как выиграть на рулетке, – начал он разговор по второму кругу.

– А не спрошу тебя «как это сделать?»

– Почему?

– Мне не интересно.

– А что тебе говорит твое природное любопытство?

– Моему природному любопытству не любопытно то, что слишком рискованно.

– Должен заметить, что сегодня больше всех рискует тот, кто не рискует, – завершил этот круг разговора Стас, но сдаваться он явно не торопился.

Стас резко допил вино и налил еще, распрямил плечи и встал, повысил голос и неожиданно перешел в атаку:

– Посмотри на себя. Ты вошел в стадию повторений. Ты цепляешься за свою работу, хотя раньше искал новые возможности что-то создавать, чему-то учиться. У тебя каждый год разные девицы, но посмотри внимательнее: на самом деле они все одинаковые. Твоя Кристина похожа на ту фотомodelьку, с которой ты был в прошлом году, и, уверен, будет похожа на ту девушку, которая будет с тобой в году будущем, после того, как тебя бросит Кристина. Ты едешь на Канары уже третий год подряд, хотя раньше каждый год открывал для себя какую-то новую страну. Ты снова купил «Тойоту», хотя раньше каждый раз покупал машину другой марки. Следующую машину ты купишь не потому, что она тебе понравилась, а потому, что, по данным общества потребителей, она реже ломается. Ты больше не мечтаешь жить в своем доме за городом, и, значит, ничего не делаешь для этого. Ты повторяешься от лени и пресыщения.

Я не был готов к тому, что разговор так резко перескочит с парижских впечатлений Стаса на критический анализ моего образа жизни, и поэтому моя защита была больше похожа на самооправдание:

– Ничего необычного: люди с возрастом становятся консервативнее, обрастают привычками... Просто мне хочется одного и того же.

– Значит, на самом деле тебе уже ничего не хочется. Встряхнись! Пусть это будет для тебя придуманным мною приключением. Помечтай о том, куда ты потратишь неожиданно свалившиеся на тебя деньги. Riskни, и вспомни, что это за чувство.

– Мне нечего вспоминать – я, как мне кажется, никогда в общем-то и не рисковал.

– Это еще лучше! Это будет новым испытанным тобою чувством. Что может быть более захватывающим!

Так Стас точно бил по самым моим чувствительным местам. Все-таки, настоящие друзья – опасные люди. Они слишком много о тебе знают. И однажды обязательно воспользуются этим.

– Ты живешь как человек, у которого все в жизни уже было, – интеллектуально терроризировал меня Стас.

– У меня на самом деле уже почти все в жизни было...

– Неправда. Ты еще ни разу не женился, у тебя нет детей...

– И еще я не построил дом и не посадил дерево. Хватит банальностей и нотаций. Меня устраивает такая жизнь. Вполне устраивает...

– А завтра ты от такой жизни свихнешься. От нее до тотальной скуки остался один шаг. Считай, что небольшое приключение тебе необходимо просто как профилактика кризиса среднего возраста.

– Я – против!

– Если ты двигаешься по инерции, то, значит, катишься вниз.

– Я все равно против!

– Ты перестал взрослеть – теперь ты только стареешь.

– Это называется эмоциональный хук слева.

– Но ведь это не запрещенный прием?

– Нет, не запрещенный. И очень эффективный. Я в нокдауне. И все равно я против.

– Тогда я все сделаю без твоей помощи.

– Мне будет очень сложно, но я постараюсь мужественно пережить этот позор.

Я вышел из кухни, чуть ли не под мышку, как носят манекены, забрал Кристину и даже, кажется, забыл попрощаться с Иринкой. Это было похоже на бегство. Пожалуй, это и было бегством.

Мы еще не успели доехать до дома, как голос Стаса раздался в моей телефонной трубке:

– Нам всегда только кажется, что удача не с нами.

Я молчал.

– Избегание неудач не делает человека счастливым.

Я невольно сильнее нажал на газ, будто это могло ускорить мой побег от голоса Стаса, его мыслей, от самого себя.

– С деньгами даже грустить приятнее, – произнес Стас и отключился.

Было грустно. Было очень грустно и совсем неприятно.

Кристина принимает душ. А я подсматриваю. Чувствую себя прыщавым школьником, почти краснею, и все равно подсматриваю... Провод стиральной машины мешает плотно закрыть дверь ванной комнаты. Большого труда не стоит убрать этот провод, но я его оставил, чтобы иногда подсматривать за красавицами, принимающими у меня душ. Кристина знает, что я подсматриваю за ней, и, думаю, ей это нравится. Я знаю каждый уголок ее тела. Кристина любит свое тело и всегда рада моему вниманию к нему. Она раскрепощена настолько, что ради восхищенных взглядов внутренне готова гулять по Невскому в одном макияже. Впрочем, надеюсь, что это мне только кажется. Иногда она ходит по квартире обнаженной, а в постели любит принимать настолько откровенные позы, что поначалу мне даже становилось немного стыдно непонятно перед кем и за что, но очень быстро я научился получать от этого удовольствие. Я знаю об этом великолепном теле все, и все равно по-прежнему почему-то больше люблю не смотреть на Кристину, а подсматривать за ней.

Больше всего Кристина гордится своей тонкой талией и ровным мягким загаром, без светлых ниточек от бюстгалтера и трусиков.

– Мне нравится быть сплошной брюнеткой, – часто повторяет Кристина, каждый раз сбрасывая купальник, когда нам удается найти укромный уголок, чтобы позагорать без посторонних глаз.

Когда у меня хорошее настроение, Кристина мне кажется безумно похожей на Синди Кроуфорд. Когда я злюсь на Кристину, она мне кажется просто красивой женщиной, и это успокаивает быстро и неотвратно, словно заглываешь сильный наркотик.

До чего же мне нравятся красивые женщины! Красивые женщины – это всеобщее украшение. Это – музыка для глаз. Они как картины Эрмитажа. За женскую привлекательность надо давать Нобелевскую премию. Любая красивая женщина – это передвижная положительная эмоция. Им можно многое простить. Они бывают капризны как дети, но ведь это только придает им обаяние. Они бывают не всегда образованны и оригинальны, но я все равно так сильно стремлюсь общаться с ними, что у меня не остается никакого сомнения, что, если женщина красивая, то уже только поэтому она – умная. И даже если красивые женщины иногда пассивны в постели, то это полностью компенсируется возбуждением от потрясающего вида на точеные фигуры и милые лица. Красивое женское тело – это всегда тело инопланетянки. От красивых людей теряешь голову. И, к сожалению, бросать их – единственный способ управлять ими.

– Пойдем скорее в постель...

– У меня болит голова. Наверное, от вина.

Я уже давно привык к тому, что женщина, говорящая "нет", просто хочет поговорить.

– Но ведь ты сегодня так прекрасна!

Упрашивание – это разновидность прелюдии в нашем с Кристиной сексе.

После душа Кристина уселась перед зеркалом расчесывать свои длинные волосы.

– Я буду готова через минуту.

Я включаю телевизор, потому что у меня есть не меньше получаса посмотреть футбол. Торопить женщину – это все равно, что пытаться ускорить компьютер.

– Мне нужно поговорить с тобой.

Сейчас Кристина будет жаловаться.

– У меня уже больше месяца не было ни показов, ни фотосессий. Я уже полгода не снималась ни в клипах, ни в роликах. Я, конечно, не расстроена...

Конечно, она расстроена.

– Я думаю, что про меня просто забыли. А, может, двадцать пять лет – это уже старость?

Сейчас Кристина будет просить о чем-нибудь невозможном.

– Я хочу сняться в клипе Димы Маликова.

Я замолчал окончательно.

– Ты же знаком с ним. Ты сам рассказывал, что он отличный парень. Ты организовал для него выгодный концерт и, наверняка, можешь хотя бы познакомить нас. В общем, решай сам.

Для меня, конечно же, верное решение уже должно быть очевидно.

– Недавно я встретила подружку из агентства, она мне так прямо и заявила: «Когда ты бросишь своего креативщика, обязательно скажи мне, я его подберу, и будь уверена, что для меня он сможет организовать съемки для обложек всех модных журналов». Представляешь, какая стерва!

Она спародировала подругу и лицом, и голосом, и даже движением плеч... Было действительно смешно.

– А на самом деле, что сказала подруга? – спросил я.

– Не важно, – ответила Кристина.

Я был уверен, что подруга лишь вскользь бросила что-то типа «передай привет своему креативщику». Я отлично знал, что Кристина лишь ради своей пародийной интонации была готова переиначить смысл половины слов первоисточника. Когда ей нужно было добиться чего-то более важного, чем просто рассмешить, о содержании исходных слов можно было не задумываться – настолько они были далеки от версии Кристины.

– Не молчи на меня так, – продолжала наступление Кристина.

Надо просто согласиться с тобой.

– Я уверена, что ты что-нибудь для меня придумаешь.

Похоже, если я срочно ничего не придумаю, то останусь без секса.

– Ты ведь самый лучший!

Надеюсь, что это именно так.

– Мне кажется, что я стала полнеть, или мне это только кажется?

Черствые мужчины на твоей работе сегодня опять говорили комплиментов меньше, чем тебе необходимо для душевного равновесия. Когда же мужчины поймут, что комплименты нужны молодым женщинам как витамины?! Ну, а пожилым как антидепрессанты...

Я взял первый попавшийся под руки модный журнал и подошел к Кристине.

– Видишь эту фотографию?.. – я быстро перелистывал страницы журнала в поисках фотки любой известной фотомодели. Кристина перестала гладить себя расческой, и внимательно смотрела то на меня, то на суету журнальных страниц. – Видишь эту фотографию Наоми Кэмпбел? Давай я намажу тебя шоколадом и сфотографирую... Ставлю сто долларов, что никто не сможет отличить твою фигуру от фигуры Наоми.

Улыбка скользнула по губам Кристины. Мой комплимент был благосклонно выслушан. Женщина, которая согласна вас слушать, в перспективе согласна на все.

Я люблю говорить комплименты Кристине. Для меня это разновидность тренировки образного мышления, как дежурный бег на пять километров для стайеров и дежурные сто подач для теннисистов.

– Ты такой мужественный...

Я понимаю, что мне пора идти в душ смывать пот и бриться. С Кристиной я стал бриться на ночь. Говорят, французы всегда так делают.

– Не сейчас! – говорит мне Кристина, уже лежа в постели.

«Чего же ты ждешь?!», – перевожу я ее слова и целую тем особенным поцелуем, с которого все начинается...

Если я умею так удачно переводить слова Кристины, значит ли это, что я ее понимаю?

Суббота. Мы садимся в машину. Моя красавица «Тойота-Селика» нехотя просыпается, звук мотора из бурчания постепенно превращается в чуть нервную болтовню спортсменов перед важным стартом.

Неправда, что я старею. Неправда, что я не могу совершать поступки и получать от них новые эмоции. Я думаю об этом все утро. Я продолжаю об этом думать, даже думая о чем-то другом.

– Куда мы едим?

В субботу утром мы никогда не знаем, куда мы поедим. И в этом незнании есть своя прелесть. Мы решаем это сейчас, в эту минуту, повинувшись импульсу. Однажды мы уехали купаться с дельфинами. Однажды просто поехали в Эрмитаж, и этот самый традиционный день мне понравился больше всего. А когда мы окончательно не знаем, куда податься, то отправляемся кормить белочек в Павловск, и всегда остаемся довольными этой поездкой, даже если нам не удалось встретить ни одной белки.

...Через час мы ходим по берегу Финского залива. Дождь накидал на дорожки лужи с грязной водой. Воздух куда-то очень торопится, все время подталкивает нас, будто выпроваживает как непрошенных гостей.

– Здесь понимаешь, что в городе настолько грязный воздух, что удивительно, почему не видно, чем ты дышишь.

Обедать мы отправились в ресторанчик возле репинских «Пенат».

– Интересно, Репин готовил шашлыки?

– Вряд ли... В его времена шашлыки были блюдом слишком грузинским и плебейским.

Когда ты начинаешь рассуждать о предметах, которые тебя абсолютно не интересуют, пожалуй, с этого момента на самом деле и начинается отдых.

После кислородного отравления и шашлыков с грузинским вином звонок Стаса был звонком с другой планеты:

– Лев Толстой мог шесть дней без передышки играть сам с собой в штос. Недавно прочитал в его дневнике...

Стас говорил с той особенной интонацией змея-искусителя, которая для меня этот заурядный исторический факт превращала в очень личное событие. Я попытался запить эти слова и эту интонацию глубоким глотком «Кванчкары».

– Когда у Достоевского был творческий кризис, жена отправляла его играть на рулетке. Он, конечно, проигрывался, и потом из чувства вина мог писать неделями.

Стас своей интонацией каким-то непостижимым образом встраивал меня в этот перечень небожителей. Никогда раньше не замечал, что интонация так влияет на смысл сказанного.

– Пожалуй, самым азартным игроком был все-таки именно Пушкин. Перечитай его «Пиковую даму». Она полностью посвящена игре как жизни и жизни как игре.

Кристина бросила на меня удивленный взгляд: я с бессмысленным видом вертел телефон возле уха, молчал, но не отключался, а в трубке был отчетливо слышан голос с той особенной интонацией разговора, когда твой собеседник не нуждается в твоём ответе.

– Представляешь, великий Франсуа Вийон завещал приятелю шулерские кости, залитые изнутри свинцом.

Я почувствовал себя подростком, которого растлевают, хотя он уже согласен.

На ее губе осталась капелька красного вина. Я прикасаюсь к ним. Впервые губы Кристины не напряглись в ответ на мое прикосновение, а расслабились, и это новое ощущение доверчивой мягкости губ с привкусом хорошего вина стало чем-то новым для нас.

До этого губы Кристины всегда были напряженными. Когда я впервые прикоснулся к ним, это было напряжение отказа.

– Мы когда-нибудь поцелуемся?

– Может быть...

– Ты всегда говоришь «нет»?

Затем в наших поцелуях появилось напряжение ее вопроса «все ли правильно делаю?» Иногда между нашими губами проскакивала электрическая искорка, не больно жала нас, и Кристина почти перед каждым поцелуем стала проводить пальцами по моим губам, словно заземляя наши и без того слишком земные отношения. И только сегодня ее губы расслабились, возможно, впервые впуская меня в свою жизнь.

Мы съезжаем с трассы на узенькую дорожку, потому поворачиваем налево, потом еще раз налево... Асфальтовые дороги-сосуды становятся грунтовыми дорожками-капиллярами. Колеса хлюпают по лужам, предательски проскальзывают, но продолжают катиться куда-то в лесную глушь. Хочется выключить цивилизацию как выключают телевизор. Хочется заблудиться, но как же это тяжело сделать, когда этого хочешь... Вдруг стало почти темно. Свет облачного цвета с трудом пробивается сквозь ветви елей и сосен. Я выключаю двигатель, и становится очень тихо, только что-то мурлыкает радио как часть этой тишины. Кресла откинуты назад... Одежда не имеет значения...

Я поцеловал ее куда-то возле виска. Она слепым котенком ткнулась мне куда-то в шею. Я стал целовать ее волосы, глаза, уши, шарф, куртку, снова глаза и волосы... Кристина впервые не обращает внимания на мои поцелуи, и сама пытается прикоснуться губами ко всему, что имеет ко мне хоть какое-то отношение... Я целую ее дыхание. Она целует мой поцелуй... Заросли поцелуев... Я все равно поцелую тебя больше раз, чем ты меня! Мои поцелуи все

равно страстнее и нежнее! Ну, пожалуйста, поцелуй меня так, чтобы я понял свою неправоту, а потом снова бросился бы доказывать свое превосходство! Кажется, только сегодня я начинаю понимать самооценку поцелуя. Впервые в моей жизни поцелуй не прелюдия к сексу, а сам секс.

– Ты целуешь меня с серьезными намерениями? – с тенью беспокойства шепчет Кристина.

– Ну не для удовольствия же...

...В боковое стекло со стороны Кристины неожиданно постучали. Чье-то лицо уставилось на нас, исчезло, и почти сразу показалось снова, но я не уверен, что это было одно и то же лицо. Я поднял голову, и увидел, что мимо машины идут люди. Много людей, человек двадцать, с большими сумками и с детьми, которых они держали за руку и которых в вечерней полумгле было сложно отличить от сумок. Скорее всего, мы заехали на дорожку, которая ведет от железнодорожной платформы к поселку, и не просто заехали, а почти полностью ее перегородили. Люди недовольно боками терлись и стучались сумками об машину. Кто-то ругался, кто-то посмеивался...Кристина даже не пошевелилась. С неприкрытой грудью она лежала на кресле, разбросав руки, волосы, свой аромат, все, что от нее осталось... Мне даже в голову не пришло набросить на нее что-нибудь из одежды. Пусть смотрят! Пусть все смотрят! Невероятное состояние несмущения, ранее мне абсолютно несвойственное, вдруг стало частью меня, и, более того, мне почти захотелось поделиться этим ощущением с теми незнакомыми людьми, которые недовольно цепляют мою машину. Наконец-то новые ощущения начинают посещать меня. Значит, я жив! Стас не прав! Я способен на новые эмоции!

Я не спорю с ним сейчас...

Хотя, конечно же, спорю.

И самое паршивое, что, судя по всему, буду продолжать спорить с ним, пока кто-то из нас не признает свою неправоту.

– Поехали! Я даже знаю куда!

Я включил двигатель, рванул с места, проехал метров десять, но «Селика» вдруг резка ушла вправо, я дернул руль влево, но машину по-прежнему тянуло в другую сторону и будто засасывало в глубины леса. Я остановился и вышел из машины. Рубашка на мне была застегнута, кажется, лишь на одну пуговицу. Капли дождя, как стакан холодной воды после пьянки, стали приводить меня в чувство. Правое переднее колесо предательски повисло над кюветом. Машина по-свински брюхом прижалась к раскисшей весенней грязи.

Я набросал веток под колеса. Попробовал, осторожно газуя, все-таки выкатить машину на дорогу, но одно из двух передних ведущих колесо цеплялось только за воздух, и потому мы лишь плавно раскачивались практически на одном месте. В какой-то момент мне не хватило терпения, я ударил ногой по акселератору, «Селика» взревела, и я почувствовал, что в результате она лишь еще больше зарылась в раскисшую почву.

– Мы застряли! – сказал я Кристине. – Тебе надо выйти.

– Не могу, – с капризинкой в голосе пролепетала Кристина. – Не могу и не хочу! Давай останемся здесь... Просто включи музыку погромче, и давай жить в этой машине...

– Ты не поняла: мы действительно не можем двинуться с места, – сказал я, обошел машину и открыл дверь со стороны Кристины.

Хлесткий порыв ветра дал ей пощечину. Кристина стала торопливо натягивать на себя одежду. Я чмокнул ее в макушку и приподнял с кресла, чтобы по-рыцарски на руках отнести ее куда-нибудь, где ветер и дождь не тиранили бы ее сильно, пока я вытаскиваю машину. Сначала она ударилась головой о крышу машины, но, пожалуй, все-таки не настолько сильно, чтобы в отместку тыкать меня локтем в живот.

– Я же не специально! – выдохнул я, но тут моя нога предательски поехала по мокрой земле вглубь кювета, а за своей ногой туда же поскользился я, и потом Кристина, и затем сверху еще чей-то пронзительный визг.

– Хорошо, что здесь не глубоко, – произнес я, убедившись, что наши кости целы.

Кристина сидела на самом дне кювета и брезгливо пыталась сбросить с пальцев сталактитами прилипшую землю, но ей этого не удавалось.

– За грязевыми ваннами не обязательно ехать к Мертвому морю, – улыбнулся я. Это маленькое приключение забавляло меня все сильнее.

– Ты испачкал мою любимую куртку, – по-детсадовски ворчала Кристина, смешно отплевываясь от намокшей пряди собственных волос, которая назойливой змейкой лезла ей в рот.

Я выбрался из кювета и стал раскачивать и толкать «Селику» в надежде выкатить ее на колею. Машина терлась днищем по земле, и мне даже в какой-то момент показалось, что я сдвинул ее дальше, чем сто лошадиных сил двигателя, скорее всего, так оно и было, но какое это имело значение, если «Селика» по-прежнему тремя колесами окопалась, как пехота, а четвертым парила над почти пропастью.

– Эти грязнящие джинсы теперь можно только выбросить, – стоном раздалось из-под ближайшей ели.

– У меня появилась блестящая идея! – бросился я к Кристине.

– Какая? Убить меня в этой глуши и съесть? – раздраженно пробурчала она.

– Сейчас я буду учить тебя управлять автомобилем! Ты ведь давно хотела погонять на машине, правда? Сейчас мне очень стыдно за то, что я ни разу не пустил тебя за руль этого прекрасной «Селики». И лучшей возможности начать осваивать автомобиль сложно представить. Ты ведь никуда не торопишься?

– Сложно торопиться на застрявшем автомобиле...

– Ну, вот и отлично! Садись за руль. Только, пожалуйста, не спрашивай меня сейчас почему здесь три педали, хотя у человека всего две ноги.

– Я знаю, почему здесь три педали: эта машина для трехногих людей. А в машинах для девочек всего две педали.

Кристина с чувством пачкала грязными руками руль.

– Твоя задача – оседлать сотню лошадей, которые живут внутри этой машины... Я к ним прибавлю еще одну свою собственную силу, и мы вместе вытащим «Селику» и ты получишь первый водительский опыт, – я был отъявленным оптимистом.

– Надо срочно к заднему стеклу машины прикрепить знак, на котором нарисована дама в шляпке, – думала о чем-то своем Кристина.

– Не отвлекайся на внешние эффекты, – пытался я настроить Кристину на конструктив. – Нажми левой ногой левую педаль... Дерни эту ручку вперед... А теперь медленно левой ногой отпуская левую педаль и правой ногой также медленной нажимай на правую педаль...

Машина взревела раненым зверем.

– Да не торопись ты так, – всерьез испугался я. – Я тебе рассказал, как сдвинуться с места, но еще не сказал, как остановить машину, а ты уже гонки устраиваешь.

– Я чуть не уехала, не пристегнув ремень безопасности! – закричала Кристина, сняла ногу со сцепления, машину сильно дернуло, двигатель заглох и наступила тишина.

– Водить машину также сложно, как делать макияж перед выступлением на подиуме, – искал я нужные слова. – Но раз ты способна справиться с холодильником и микроволновой печкой, то справишься и с автомобилем. Начнем с начала. Поворачиваешь ключ в замке зажигания, как будто тыходишь к себе домой...левой ногой нажимаешь на левую педаль... Держашь эту ручку вперед...

– Как эта ручка называется? – вдруг откликнулась Кристина.

– Тебе не нужно знать, как она называется, эти знания тебя будут только старить, – я снова нашел нужные слова, потому что лицо Кристины осталось сосредоточенным как перед витриной магазина. – Теперь я выйду из машины и буду толкать ее сзади, а ты левой ногой отпускай левую педаль и нажимай на правую...

Я изо всех сил приподнял зад машины и попробовал толкнуть ее вперед. В этот момент двигатель снова взревел и передние колеса отчаянно закрутились на месте.

«Черт, я опять не успел сказать Кристине, как останавливать машину», – вдруг вспомнил я.

– Когда машина выйдет на дорогу... – заорал я.

– Что?! – заорала в ответ Кристина через открытое окно сквозь рев двигателя и скрежетание колес.

– Когда... – снова начал я. Но тут мне показалось, что машины поползла на брюхе в кювет.

– Не слышу! – раздался чуть слышно крик Кристины.

– Ноги вверх! – закричал я, потянул на себя спойлер «Селики» в надежде удержать машину от падения, но лишь поскользнулся сам и рухнул всем телом под поток грязи из-под бешено крутящегося переднего колеса.

Кристина выскочила из машины, которая тут же снова заглохла, подбежала ко мне, поскользнулась, шлепнулась рядом под выхлопную трубу, и стала ощупывать мои руки и ноги, снимать ошметки грязи с волос и лица, и причитать по-старушечьи, и от этого как-то особенно нежно и трогательно:

– Ты цел? Руки-ноги целы? Не ушибся? Что это за кровь? Ты не теряешь сознание? Где аптечка? Я обработаю твою рану. Кажется, это просто царапина. От этого не умирают даже мужчины...

За такую нежность женщине можно простить даже то, в чем она не виновата.

Мы очень долго сидели в машине молча и грустно. Наверное, минуту... Или две...

– Через десять лет мы будем вспоминать об этом как о забавном приключении. Представь, у нас будет домик где-нибудь здесь, на заливе, и мы будем Стасу и Иринке рассказывать о твоём деревенском стриптизе.

Кристина настороженно молчала. Тогда я еще не знал, что заглядывать в будущее в разговорах с женщиной – это самое рискованное лингвистическое приключение. Я всегда этого подсознательно избегал, и, видимо, именно поэтому до сих пор еще ни разу не женился.

– За эти десять лет твоя грудь станет только красивее. После беременности она станет чуть больше, но не изменит своей практически идеальной формы, – нагло фантазировал я.

Кристина молчала, но, видимо, не потому, что в этот момент туго соображала: просто речь шла о слишком важных для нее вещах. Но я никак не мог понять, что в этот момент было для нее важнее: гипотетическая беременность от меня или форма ее груди через десять лет независимо от факта моего существования.

– У нас будет ребенок? – заторможено спросила Кристина.

– Понимаешь, если мужчина и женщина долго живут вместе, то у них обычно появляются дети, – говорю я так, будто уже объясняю своему будущему ребенку то, как он появился на свет.

– У нас будет много детей? – с легкой опаской спросила Кристина.

– У нас будет детей столько, сколько ты хочешь, – начал я успокаивать Кристину, хотя точно не знал собственно по поводу чего ее надо успокаивать.

Я погладил ее волосы, как гладят маленького ребенка, чтобы он не плакал, поцарапав коленку. Я потрепал ее за щеку, как когда-то делала наша соседка, отправляя свою дочку в школу. Я чмокнул ее в щеку, как когда-то впервые в классе в пятом чмокнул одноклассницу вместо того, чтобы дернуть ее за косичку. Ничего не помогало... Кристина молчала по-взрос-

лему сосредоточенно как вулкан перед извержением. Когда женщина не может говорить даже глупости, надо срочно предпринимать какие-то экстренные меры.

– Слушай, Кристина, выходи за меня замуж! – выпалил я и только потом подумал: «Лучший способ успокоить женщину – это позвать ее замуж. Даже если она ответит категорическим отказом, в душе она, безусловно, будет благодарна за это предложение».

– Кристина, ты совершила невозможное! Ты примирила меня с существованием розового цвета и научила дарить цветы и другие бесполезные вещи! Теперь как порядочная женщина ты просто обязана выйти за меня замуж.

В ответ резкий порыв ветра сорвал ветку и треснул ею по лобовому стеклу.

– Ради тебя я даже готов в день нашей свадьбы впервые после выпускного вечера надеть костюм и галстук.

Крупные капли дождя дробью расстреляли крышу автомобиля.

– Нет, давай лучше организуем свадебную церемонию прямо на пляже Финского залива. На мне будут плавки и бабочка, на тебе купальник и фата. Об этой свадьбе заговорит весь Петербург. Ты ведь мечтаешь именно об этом, я угадал?

– Ты это серьезно? – настороженно спросила Кристина.

– Я никогда не был таким возбужденным как сейчас. Я возбужден даже сильнее, чем во время секса с тобой, – не соврал я.

Хотя свадебная церемония в любой форме меня раздражала и пугала как визит к стоматологу, но перспектива свадебного путешествия мне казалась все более соблазнительной. Я действительно давно не был в отпуске.

– Ты – красивая женщина! Я – умный мужчина! Мы с тобой идеальная пара!

– Нет, еще не идеальная: ты вечно забываешь чистить ботинки, – начала оттаивать Кристина.

– Я только что понял: нам действительно надо срочно пожениться, чтобы наши отличные отношения стали идеальными. Понимаешь, жениться – это значит навсегда. Пойми смысл слова «навсегда» и ты поймешь смысл слов «выходить замуж». Перед словом «навсегда» мелочи теряют всякий смысл. После свадьбы я перестану тебя ревновать, потому что ты – моя жена, и это навсегда. Я гораздо охотнее буду покупать тебе все, что нужно и не нужно, потому что после свадьбы я это буду покупать не для тебя, а для семьи, и значит и для себя тоже. А наш секс будет в два раза длиннее, потому что я перестану торопиться, во мне умрет ощущение, что каждый поцелуй, возможно, последний...

Чем активнее я звал Кристину замуж, тем искреннее верил в то, что я действительно этого хочу. Все-таки у моих слов парадоксально сильное влияние на мое поведение.

– Почему ты молчишь? Ты не хочешь выходить за меня замуж? – в эту минуту эта простая мысль показалась мне крамольной и невероятной.

– Я хочу, но не могу тебе поверить, – отозвалась Кристина. Последние несколько минут она смотрела на меня прищуренным изучающим взглядом, как будто видела меня впервые. Пожалуй, так оно и было на самом деле.

– Кристина, я прямо сейчас докажу тебе серьезность моих слов!

Я выскочил из машины, открыл багажник, вытряхнул все содержимое сумки с инструментами и какими-то железячками, многие из которых остались еще от прошлого владельца, и в тусклом свете принялся разбрасывать их во все стороны. Я знал, что я ищу. Я был уверен, что я это найду. Но не находил.

– Ты скоро? Мне холодно... – донесся голос Кристины.

Я собрал все железячки в левой стороне багажника и стал по одной переключать на правую сторону. Нужную штуковину я сначала почувствовал, потом нащупал на ощупь, только потом увидел...

– Кристина! Я прошу тебя стать моей женой и в честь этого принять обручальное кольцо! – пафосно, но очень серьезно, произнес я и надел Кристине на палец большую гайку. На тонкий палец Кристины гайка села идеально, но все-таки она была толстовата, и потому пальцы оказались чуть растопыренными.

Кристина очумела посмотрела на гайку, потом на меня, потом сжала руку с самодельным обручальным кольцом в кулак. Я напрягся, и у меня впервые зародилась мысль, что я все-таки делаю что-то неправильно. Кристина попыталась посмотреть на свою руку с кольцом как обычно она смотрит на руку после посещения маникюрши. Видимо, что-то ей не понравилась, причем, настолько, что ее нижняя губка дрогнула.

Машина вдруг заглохла. Стало глубоко тихо. Ощущение незащитности пришло быстрее, чем разумное понимание того, что никакой серьезной опасности нам не угрожает. На секунду показалось, что капли дождя стучат прямо по мозгу и растекаются дальше по извилинам.

– Ты специально так делаешь мне предложение, чтобы я отказала, – тихо в тишине сказала Кристина. Она сняла с пальца гайку, но не бросила ее в меня, к чему я был почти готов, а аккуратно положила перед собой.

– Я мечтала об этих твоих словах... Но почему именно сейчас? Почему ты не сказал мне тоже самое в ресторане. Или хотя бы на белых простынях в нормальной постели. Почему даришь эту гайку? Мне не нужны бриллианты, пусть хотя бы маленькое золотое колечко...

– Какая разница? Зачем вешать ценник на чувства? Это кольцо стоит рубль – значит, ты меня не любишь. Это кольцо стоит сто долларов – значит, сегодня я разрешу тебе со мной переспать. А вот это кольцо с бриллиантом, похожим на кубик льда в коктейле, позволит тебе трахать меня пока тебе не надоест.

– Ты специально так поступаешь, чтобы я тебе отказала. На самом деле ты не хочешь на мне жениться. Ты хочешь избавиться от меня. Ты играешь мною.

– Неправда.

– Я не принимаю это всерьез. Уходи.

– Куда уходить? Совсем уходить?

Кристина задумалась.

– Давай выбираться отсюда. Найди кого-нибудь, кто нам поможет.

– Только мы сами можем себе помочь.

– Ты достал меня своими глупыми образами и тупыми несвоевременными мыслями! – сорвалась Кристина. – Просто найди тракториста. Вместе с трактором. Я говорю только об этом. Мне надоел этот дождь и эта тесная машина.

Впереди показалась очередная толпа с сумками, детьми и руганью по поводу того, что мы перегородили дорогу. За тысячу рублей мужики, которые громче всего ругались, вытащили нам машину.

– Странная какая-то у тебя машина, – сказал мне на прощание мужик с погасшей папироской в зубах. – Китайская, наверное...

Я был готов убить его, потратил все силы на то, чтобы сдержаться, и поэтому эмоций сердиться на Кристину у меня уже не осталось.

Минут через десять мы уже мчались в Питер по освещенной трассе.

Я получил отказ? Вроде бы нет. Кристина забралась на сиденье с ногами, положила мне голову на плечо и спокойно дремлет, как делает обычно после наших удачных загородных поездок. Или она действительно не хочет выходить за меня замуж, и просто воспользовалась той неромантической обстановкой как поводом для отказа, который, тем не менее, не сжигает все мосты? Или действительно я просто не попал в интонацию, и стоит мне через пару дней повторить в каком-нибудь ресторанчике и с подарком настоящего колечка приглашение жить и умереть в один день, и я получу счастливое согласие? Мне не сказали «да». Мне не сказали

«нет». Но во время всего этого разговора ни я, ни Кристина ни разу не сказали ни слова о любви. Но тогда я этого не заметил.

Место проведения нашей очередной корпоративной вечеринки зависело исключительно от того, с кем были заключены рекламные договоры по бартеру. Подозреваю, что если бы у наших клиентов хватало денег и желания расплачиваться с нами только деньгами, то вечеринок у нас не было бы вовсе. Чаще всего мы ходили играть в бильярд: шеф был большим любителем этой игры. Играл он так себе, но все равно обычно выигрывал. Это не удивляло никого из его друзей и моих коллег, но самым странным для меня было то, что это не удивляло и самого шефа. Иногда мы ходили в боулинг. Однажды мы получили бесплатные билеты на три сеанса подряд нового американского блокбастера: говорят, несколько человек из нашего агентства действительно посмотрели его трижды. В этот вечер мы собрались отмечать последние удачные сделки в сауне, в которой шефу больше всего понравился бильярдный стол.

На вечеринку шеф позвал всех, кто зарабатывал ему деньги. Главный бухгалтер на такие вечеринки никогда не приглашалась, потому что считалось, что бухгалтерия деньги только тратит, но, скорее всего, потому, что главным бухгалтером у нас была пожилая женщина. Она явно не вписывалась в мужской интерьер этих посиделок с неременной батареей бутылок из-под виски и обжираловкой, в конце которой любые блюда и даже соусы можно было брать руками. Явка на эти вечеринки была строго обязательна, как на партийные собрания. Пропустить их разрешалось только нашему незаменимому компьютерщику Веничке, и это была одна из множества причин моей зависти ему.

Когда я с опозданием приехал в сауну, шеф еще ни разу не был в парилке, но уже выиграл в бильярд у всех, кто умел держать кий, и гонял шары по столу в одиночку.

– Вот ты спрашиваешь, что важнее – идеи или техника продаж?

– Я не спрашиваю...

– Хорошо, тогда я тебя спрашиваю, что важнее?

– Я уже не знаю, – искренне ответил я, хотя отлично понимал, что эти вопросы нужны шефы только для того, чтобы озвучить уже продуманный им ответ.

– Пойми, что твои идеи – это лишь повод встретиться с клиентом, – шеф ударил по шару и эффектно вколотил его в лузу. – Сегодня все решают не идеи, а техника продаж. Проще и дешевле всего договориться об откате с тем, кто имеет влияние на человека, который платит деньги. Дороже получается, если договариваешься с собственником бизнеса, тогда откат называется скидкой. В любом случае чрезвычайно важно произвести хорошее впечатление. Я про вчерашнего строителя знаю почти все. На прошлый День строителя он получил от нас удочки. Его жена в день рождения – золотую цепочку. Неделю назад мы были вместе в этой сауне. Чтобы встретиться с ним в нашем офисе и заключить выгодный контракт, мне был нужен лишь повод. Твои идеи – это лишь повод. В современном мире твои идеи уже не товар, а лишь красивая упаковка.

– Красивая упаковка для чего? – спросил я.

– Не понял?

– Если идеи уже не товар, а лишь упаковка, что тогда находится внутри упаковки?

Шеф плеснул себе виски. Он не хотел заканчивать этот разговор, но ему явно был нужен таймаут. Банкетный стол еще не был накрыт, в бильярд он уже всех обыграл, идти в парилку ему почему-то не хотелось...

– Все, хватит заумных разговоров. Лучшее средство против умных разговоров – болтовня раскрепощенных девчонок. Каждому по девочке!

Опять позвонил Стас. Он уже не говорит «привет». Его вполне устраивает мое молчание, потому что мое молчаливое согласие слушать Стас наверняка уже считает своим достижением и, пожалуй, так оно и есть.

– Когда у человека по-настоящему много денег, он перестает смотреть на ценники, – начинает Стас. – Понимаешь, такому человеку все равно, сколько стоит вон та бутылка вина, этот костюм или вот эта шуба для девушки. Представь, что для тебя ценники просто перестали существовать.

Одна из дверей открылась, и в холл быстро вошли семь или восемь девчонок, очень разных по росту и формам, но вполне симпатичных, в одних трусиках и лифчиках, а одна девушка с обнаженной грудью, правда, на мой вкус, не очень красивой.

– А вот и девушки... Проходите, проходите... Ну, кто кому больше всего понравился?

Шеф явно был очень доволен своей идеей, и теперь, когда она стала столь эстетично материализовываться, он особенно чувствовал себя в своей особенной тарелке.

– Ты впервые в жизни купишь новую машину, а не подержанную, – слышу я голос Стаса. – Неужели тебе приятно каждый день садиться в кресло, пропуканное каким-то немецким бургером?!

В ответ я сначала захотел обматерить Стаса, потом просто выключить телефон, а затем скорее почувствовал, чем понял, что Стас прав, и что мне и еще многим знакомым и незнакомым мне людям нечего из себя строить интеллектуалов и тонких натур, если такая грубость и зримость на самом деле производит наиболее сильное впечатление.

Краем глаза я еще раз взглянул на вошедших девчонок: самой высокой в этом гареме была Иринка.

– Человеку с большими деньгами никто и никогда не будет возражать, – будто гвоздь Стас вбил в меня эту фразу.

Иринка тоже увидела меня, повернулась чуть боком, словно стараясь чем-то прикрыться, и взглядом вылила на меня таз с помоями. Одной рукой я продолжал держать телефон, и голос Стаса продолжал звучать в нем, но уже не попадал вовнутрь меня, а второй я резко взял Иринку за руку, успел порадоваться тому, что никто не опередил меня, и повел ее по коридору, где, как мне казалось, должны были быть комнаты отдыха.

– Во Франции ты познакомишься с девушкой, которая похожа на Софи Марсо, а в Германии твоя подруга будет копией Клаудии Шиффер, – снова донеслось из телефона.

Я открыл дверь в небольшую комнату, в которой уставшая женщина в заляпанном халате резала что-то похожее на салат. Наверное, это была местная кухня. Я зачем-то хлопнул дверью, и резко потащил Иринку дальше по коридору. От рывка на мгновение она споткнулась на своих высоких каблуках, но тут же длинным шагом догнала меня и уже сама крепко вцепилась в мою руку. Мы вместе будто от чего-то спасались.

– А еще я советую тебе обязательно хотя бы раз переспать с негритоской, – говорил Стас. – Уверен, что, если это однажды случится, твои дети будут мулатами.

В следующей комнате был только полумрак и одинокая постель возле высокого зеркала. Я закрыл дверь, и наши пальцы разжались. Иринка собралась что-то сказать или, быть может, закричать, и я почти с силой ладонью закрыл ей рот, ударившись о зубы. Не хватало еще, чтобы Стас сейчас услышал ее голос. Потом я тряс руку, чтобы усмирить резкую недолгую боль.

– Желаю тебе эротических фантазий, – сказал Стас и отключился.

Тишина накрыла нас с головой как одеяло. Такую тишину можно резать ножом. Мы стояли каменными истуканами. В этой маленькой комнате любым движением мы могли только приблизиться другу к другу, а это казалось невозможным.

В дверь негромко постучали, быстро, не дожидаясь ответа, она приоткрылась, и в узком дверном провале как в телевизоре показалось довольное лицо шефа:

– Тебя девушка устраивает? Или тебе еще одну подбросить?

– Устраивает, устраивает, – торопливо откликнулся я. – Предстоит бурная ночь.

– Надеюсь, вы найдете чем порадовать друг друга хотя бы час, а то комнат на всех не хватает, придется холл тоже занять...

Дверь быстро плотно закрылась, но глубокой прежней тишины уже не наступало. В комнату словно запахи постепенно стали проникать звуки музыки из холла, автомобильные гудки из-за плотно занавешенного маленького окна, и первое же мое движение откликнулось четко различимым шуршанием одежды.

– Я – свободная женщина, – Иринка с вызовом бросила в меня эти слова, как бросают булыжник, вывернутый из мостовой.

Я сел на кровать. Иринке пришлось сесть рядом, потому что в комнате не было стульев.

– Ты мне передние зубы чуть не выбил.

Она уже не злилась и, кажется, даже не жаловалась. Она просто начала говорить, заполнять пространство звуками, пытаться вслух понять, как вести себя дальше.

– Это просто работа. Деньги еще никто не отменял. Мне нужны деньги, чтобы после работы, в другой жизни, быть...

Иринка попыталась подобрать точное или просто уместное слово, но так и не смогла.

– Ты же знаешь, что Стас свою зарплату ночного сторожа почти полностью тратит на книги. И в Париж мы летали полностью на мои деньги, это мой подарок ему на день рождения. Я хочу иметь возможность делать такие подарки такому человеку как Стас! – почти выкрикнула Иринка.

Наверное, так отходят от наркоза: шок уже позади, но мысли еще путаются с образами, и новая реальность приходит всегда слишком медленно и почти всегда с болью.

– Я так еще и не решила, кем и какой я хочу быть. Пока я только постепенно узнаю, какой я не хочу быть. У меня была учеба, но я не хочу быть учителем труда у мальчиков. Я терпела два курса, а потом бросила институт. По-моему, так честнее. У меня был любовник, который меня почти боготворил, у которого есть деньги, за которым я была бы, как за каменной стеной. Но он не нравился мне. Я терпела, а потом ушла от него. Стас совсем другой. Он очень милый, блестящий эрудит. Кажется, что он помнит все книги, которые прочитал. Рядом с ним моя душа отдыхает. Какая разница, что делает мое тело?!

Иринка встала, обошла кровать, подошла к двери, постояла и помолчала немного, а потом, будто смирившись с чем-то неизбежным, снова села на прежнее место. Мы были заперты в этой комнате для свиданий как в тюремной камере.

– Со Стасом мы вместе, возможно, потому, что у нас много общего: мы оба ничего не умеем делать. Если женщина ничего не умеет, она идет работать проституткой. Если мужчина ничего не умеет, он идет работать охранником.

– Но ведь Стас любит тебя! – вырвались у меня первые слова.

– А я, представь себе, не знаю, что такое любовь, – перебила меня Иринка. – Дружба, привязанность – да, я это понимаю. А любовь? Нет, не знаю... Я не могу полюбить. Не получается. Ни один мужчина еще не волновал меня настолько, чтобы мне показалось, что я в него по-настоящему влюблена. Я уже подумала, что я лесбиянка, но и женщины тоже меня не волнуют. Но я знаю другое: секс – это естественно. Оргазм – это всего лишь рефлекс, что-то вроде чихания. Более того, секс является одной из естественных и полезных вещей, которые можно купить за деньги. Секс можно и иногда нужно покупать как картошку в магазине. Представляешь, однажды я сама пригласила мальчика по вызову, а он напился пива, и у него не встал...

– Но ведь Стас любит тебя! У него, кроме тебя, никого нет.

– Неужели ты всерьез считаешь, что этого достаточно, чтобы полюбить? Представь себе, но у меня, кроме меня, тоже никого нет. А все его и твои слова о чувствах – только сотрясение воздуха. Слова яркие и не очень – сотрясение воздуха. Слова с одним, двумя или тремя смыслами – только сотрясение воздуха. Заповеди Христа и ругань бомжа у помойки – сотрясение

воздуха. Я уже разучилась слушать их. Я пропускаю их мимо ушей, потому что за ними ничего не следует. Ничего не меняется. Что Стас сделал для меня? Что Стас для себя сделал? Я давно поняла, что слова ничего не меняют. Поэтому я рассчитываю только на себя.

– Но ведь должен быть в человеке какой-то стержень. – И после паузы решился добавить: – Чтобы его не имели все время.

– Намек поняла, но не поняла другого: с чего ты взял, что это меня имеют. А я уверена, что это я всех имею. Получаю от мужиков все, что считаю нужным получить: деньги, удовольствие, независимость... Меня не напрягает спать с двумя-тремя мужчинами в день, даже если они мне противны. Есть возможность получить удовольствие – получаю, нет такой возможности – терплю, как ты терпишь общение со своим шефом. Но я всегда получаю больше, чем даю.

Сначала мне хотелось просто уйти, потом хотел наорать на Иринку, ударить ее, может быть, даже побить, потаскать за волосы, позвонить Стасу или не звонить, а просто увезти отсюда Иринку и посадить ее где-нибудь в темном переулке. И забыть... Все забыть. Но я сидел, молчал, слушал, и все еще никак не мог понять, что это тоже один из возможных вариантов поведения.

– А что мне все эти заповеди и проповеди?.. Моя природа – получать от жизни удовольствие. Природа всегда сильнее принципов. Моя природа – это своя квартира, своя машина, возможность уехать в любой момент в любую точку света, не просыпаться по будильнику и купить любую тряпку, которая приглянется. Вот моя природа! И какие принципы могут этому противостоять? Ни поцелуя без любви? Половина замужних женщин имеют любовников или время от времени изменяют своим мужьям. А потом, как ни в чем не бывало, приходят к своим мужьям, ложатся в постель, сюсюкают типа «сладкий мой, не могу без тебя жить»... И продолжают с ними жить, иногда счастливо. В чем разница – один любовник или сто?

Я уже открыл было рот, чтобы ответить, но Иринка перебила меня: ей уже не были нужны ни вопросы, ни, тем более, ответы.

– Я понимаю, когда к нам приезжают одинокие мужики. Я понимаю, что плохой секс, как и плохая еда, лучше, чем никакой. Но ведь больше половины наших клиентов женаты. Но если мужчина женат, это ведь означает, что у него есть хотя бы плохой секс. Я что, как-то подругому устроена? У меня больше дырок или есть еще одна грудь? Может, я особенная, только этого не замечаю? Хочешь проверить?

– Нет, нет...

Я хотел, чтобы мы просто помолчали, но Иринка все говорила и говорила. Говорила все быстрее, громче, злее... Я понял, что до сегодняшнего дня она ни с кем и никогда обо всем этом не говорила, и поэтому я обречен узнавать то, чего знать не хотел.

– Очень многие девчонки прошли через публичные дома. Тысячи девчонок, десятки тысяч. Не проходит недели, чтобы я не встретила в кафешке или в магазине кого-нибудь из тех девчонок, кто прошел через нашу контору. А таких контор в Петербурге десятки, многие десятки. Это на самом деле обычные девчонки, их не отличишь ни по одежде, ни по макияжу, ни по манере поведения. Это и приезжие, и петербурженки, и те, кто пошел ради нормального куска булки с икрой, и те, у кого все это есть от богатеньких родителей, но они хотят самостоятельности. Кто-то просто больше ничего не умеет, как я, а кому-то просто нужны приключения на свою задницу в прямом и переносном смысле этого слова. Кто-то приходит в этот бизнес на несколько недель, кто-то на годы и на всю жизнь. Поэтому, если вдруг мужчина случайно узнает, что его милая подруга прошла через публичный дом, его реакцией должна быть любовь, кроме удивления.

Мы немного помолчала, и это молчание было для меня глотком свежего воздуха.

– Вы, мужчины, слишком большое значение придаете сексу. Вы почему-то мечтаете переспать с девственницей. Хотя для большинства женщин это просто боль. Как первое посещение гинеколога. Вы почему-то мечтаете переспать сразу с двумя женщинами, а когда оказываетесь

с ними в постели – понимаете, что у вас только один член, а не два, и потому не знаете, что делать. Вы на удивление нелогичны: твердите, что все женщины одинаковы, и постоянно меняете одну на другую. Многие мужчины наивно ждут от встречи с проституткой подобия романтического приключения. Мол, к тебе подходит очаровательная женщина, которая влюбляется в тебя с первого взгляда, и сама зовет в постель, и говорит лестные слова, и сама предлагает осуществить все твои эротические фантазии. Таким мужикам даже не столько секс нужен, сколько отношение, имитация влюбленности... Даже термины такие придумали – «цифра» или «аналог». «Цифры» – это те, кто все делает механистически, оцифровано. А вот «аналоги» – это те, кто якобы с душой. А ведь вокруг столько девчонок с нерастраченной душой. Улыбнись ей, потратить на нее немного своей души, а не денег, и это вернется тебе сторицей, и никаких проституток не понадобится.

Иринка тяжело вздохнула, посмотрела на меня, а я смотрел в зеркало, и не узнавал ни себя, ни Иринку.

– На самом деле, мы, женщины, гораздо циничнее мужчин. Задача мужчин всегда была бороться, женщин – приспособливаться. Без цинизма приспособиться невозможно. Я давно поняла, что все высокие чувства усложняют жизнь, а низкие ее упрощают. Наша сложная жизнь закликает сделать все возможное, чтобы упростить ее. Я занимаюсь упрощением жизни. В этом моя миссия. Почему считается, что высокие чувства – это хорошо, а низкие – это почти преступление? Ни гордость, ни похоть не хороши и не плохи сами по себе. Оценку можно ставить, только взглянув на результат. Гордая благопристойная матрона, терроризирующая семью своими постулатами, с ее высокими чувствами и гроша ломанного стоит рядом с моей похотью, которая иногда делает чуть счастливее мужчин рядом со мной.

– Твой ум служит тебе для оправдания твоих безрассудств, а не для укрепления благоразумия. Впрочем, как и у большинства женщин.

– Как у большинства людей.

Настроение Иринки явно улучшилось. Она, наверное, испытывала облегчение как больной после того, как врачи устроят кровопускание, освобождая от тяжелой венозной крови. А, может, я опять пытаюсь все приукрасить, придать тупой жизни рекламный глянец? И здесь более точным будет сравнение с больным запорами после благополучного облегчения?

– Давай сделаю тебе массаж. Не напрягайся: ничего личного и интимного. Просто хороший массаж. В конце концов, я на работе. Тебе понравится.

Мне не понравилась Иринкина провокация. Я пересел на другую сторону кровати.

Иринка хмыкнула:

– Смирись с тем, что все женщины продаются. Одни дороже, другие все время. Одни женятся не на мужике, а на его квартирах и машинах. Другие идут в любовницы по бартеру: получают за секс не деньги, а шубы, машины, поездки... Конечно, остались честные женщины, но они очень дорого стоят. Приглядиись внимательнее к тому, как так называемые порядочные женщины выбирают себе мужчин. Они просто устраивают аукцион на право переспать с собой. Количество цветов в букете – это все равно, что табличка с новой ценой на таком аукционе. Количество каратов в бриллианте и стоимость подаренного автомобиля – это просто цена, которая предлагается женщине в период ухаживания. Все женщины знают, что не бывает некрасивых мужчин, бывает мало денег, и это мешает красивым женщинам разглядеть в мужчине истинную красоту и богатый внутренний мир. Проститутка всегда честнее обычных женщин: никаких аукционов, она просто называет цену и делает свою работу. Просто женщины продают свое тело и свои эмоции, проститутка продает только тело. Так кто же на самом деле продажнее?..

Иринка подседа ко мне поближе и даже попыталась заглянуть в глаза. Наверное, женщины инстинктивно знают все приемы, которые помогают превратить просто слова в стрелы, камни, ядра...

– Мне нравится твоя Кристина. Может быть, потому нравится, что у нас с ней много общего. Она – та же проститутка. Попробуй однажды не оставить ей денег – она уйдет от тебя через неделю-другую, как только найдет другого похожего на тебя душевно ленивого оболтуса с лишней тысячей долларов в кармане.

– Она тебе это сказала или это твои измышления?

– Об этом не говорят. Но проницательные люди видят такое и без очков. Кстати, где твои очки?

– Я теперь ношу контактные линзы.

– Слушай, а если тебе к контактным линзам еще и очки одевать, ты будешь лучше видеть, чем просто нормальные люди? Впрочем, ты же понимаешь, что дело не в зрении – дело в проницательности.

В дверь осторожно постучали.

– Ну все, твое время кончилось... С тебя двести долларов. Время – те же деньги, но деньги лучше. Вот я тебя и поимела.

Она взяла деньги, покрутила их и не зло бросила на пол:

– Расслабься. За тебя уже заплатили.

– Что мне сказать Стасу?

– Что хочешь... Мне не все равно скажешь ты или нет, потому что я дорожу отношениями со Стасом. Но я не хочу знать сейчас, что ты будешь делать. Почему ты не просишь не говорить Кристине о том, что ходишь по проституткам?

– Наверное, по той же причине...

Фонари ночного города накатывают на меня все быстрее. Я все сильнее жму на газ, хотя не знаю куда ехать. Домой, чтобы выпить стакан текилы и попытаться уснуть?... Или поехать к Стасу?... Сказать Стасу или промолчать? Сделать вид, что ничего не было? Поступить, как поступает врач, который не может сказать всю правду больному, чтобы поддержать в нем волю к выздоровлению? Поступить, как поступает юрист, который на суде лукавит, недоговаривает и цепляется за всякую возможность защититься от наказания преступника, в чьих преступлениях он на самом деле не сомневается?

Есть ли у меня право на молчание? Но ведь промолчать в этой ситуации – это все равно, что соврать...

Я сбросил скорость. Я знаю, куда я еду. Я еду к Стасу сказать ему всю правду.

Впервые за многие годы нашего знакомства Стас в одиночестве не читал книгу, а смотрел телевизор. Точнее, смотрел в телевизор. Я сразу понял: что-то случилось.

– Если напрямик спросить у мужчины, сожалеет ли он о том, что не родился женщиной, ответ, безусловно, будет отрицательным. Но на самом деле многие мужчины завидуют женщинам.

– Что случилось, Стас?

– У женщин есть много привилегий. Например, женщинам не нужно драться. Вот сколько раз ты дрался? Сколько фингалов тебе поставили? Ты помнишь то омерзение к себе и к жизни после того, как впервые ударил человека по лицу? Ты еще не забыл ту дрожь, тот калатун, который не проходит много часов даже после тех драк, в которых ты победил? Женщины значительно реже выясняют отношения с помощью кулаков. Мальчишки вырастают в драках. Если ты не бьешь других, то только потому, что бьют тебя. Это суровый неписанный закон взросления. Я всегда это знал. Но только теперь до меня дошло, что мужчины вынуждены драться всю жизнь: за любимых женщин, за должность и еще за многое такое, что и даром не нужно женщине. Это закон не только взросления, но и старения. И здесь, как в детстве, даже если ты не вступаешь в драку, то тебе все равно поставят фингал. Ты или бьешь, или бьют тебя.

– Что случилось, Стас?

– Мужчине всегда надо напрягаться в постели. А вот женщине не надо, она, в принципе, всегда готова. Разве это справедливо? Есть ли для мужчины что-либо страшнее импотенции? Вряд ли. Женщины и, что самое неправильное, сами мужчины требуют от себя быть неутомимыми в постели независимо от количества выпитой водки или бессонных рабочих ночей. Мы не можем симулировать ни возбуждения, ни оргазма. Женщинам неведомы подобные проблемы. Уверен, даже самые крутые ловеласы не способны отличить настоящий оргазм от его имитации.

– Стас, я понял, что случилось что-то страшное...

– Женщинам не нужно бриться! Никакие "критические дни" не сравнятся с ежедневным бритьем! Раздражение кожи, аллергии, порезы достают мужчин не раз в месяц, а каждый день, с юности до конца жизни. Можно, конечно, не бриться, а отпустить бороду. Но большинству женщин борода видите ли не нравится, и мы вынуждены каждый день скрести свои щеки.

– Стас, неужели то, что случилось, непоправимо?

– Ты замечал, что женщине всегда легче заполучить нового мужчину, чем мужчине новую женщину. Каким бы крутым ни считал себя мужчина, в глубине души его всегда страшит возможность отказа со стороны понравившейся женщины. Поэтому-то мужчины иногда становятся такими робкими и ограничиваются жгучими взглядами и тайными мечтами. Вспомни, скольких очаровательных женщин ты провожал, но только взглядом. Если бы мы с тобой не боялись отказа, то сколько было бы красивых романов. Уверен, мы давно нашли бы самых близким нам женщин, были бы женаты, нянчили бы детей. А так мы все ждем тех, кто сам прыгнет к нам в постель, а это оказываются на удивление не те... Женщине проще: ее внимание льстит любому мужчине. Ни один мужчина не в силах устоять перед искушением переспать даже с незнакомой женщиной, если та сама это предложит. У женщин всегда на один способ больше добиться успеха, чем у тебя, потому что женщинам разрешено пользоваться своей привлекательностью. Если женщина красивая, все сокровища мира у ее ног. На своих шпильках они легко поднимаются по ступеням служебной лестницы, если, конечно, этого хотят. А если это не по душе, женщина просто выходит замуж за кого-то до неприличия богатого. В крайнем случае, потом можно будет развестись и все начать сначала. Женщин богатство не старит, а помогает сохранить молодость. Никто не устоит перед красивой женщиной, никто ей не откажет. Мужчины лишены этой привилегии. Красавчик-содержанец, в отличие от богатой любовницы, вызывает скорее презрение, чем восхищение или зависть.

Все это время Стас продолжал смотреть на экран телевизора. Он не пил, и я отметил это с сожалением, потому что трезвость делала его оценки более точными и значит более суровыми. Я так не мог. Я пошел на кухню поискать себе что-нибудь выпить.

Несколько тысячных купюр и записка сразу бросились в глаза. Я с трудом, словно преодолевая сопротивление мощного магнита, отвел взгляд от записки, как от чужого интимного и запретного, открыл холодильник, ничего не нашел крепче пива, закрыл холодильник и взял со стола записку с решимостью не постороннего человека.

«Милый и самый умный! – писала Иринка. – Я сегодня задержусь на работе. К нам в гостиницу приезжает большая группа иностранцев. Ты ведь понимаешь, как будет трудно их всех разместить. В магазин не успеваю. Пожалуйста, купи все, что я люблю:

- пармезан – 200 г,
- баночку черной икры (и красной для себя),
- клыкач горячего копчения (по-больше),
- хумус (пусть сразу порежут),
- бутылку «Бордо» или «Бургундского» (только не прошлогоднего урожая, слишком кислое),
- прокладки (не для еды),

– хлеб (я не люблю, а просто надо).

На оставшиеся деньги купи все, что захочешь. Никакие иностранцы не должны испортить нам этот вечер».

Внизу была нарисована улыбающаяся рожица.

Я вернулся к Стасу. Он выключил телевизор, и просто смотрел на темный экран.

– Пармезан – это рыба или мясо?

– Какая разница, – не понял моей неудачной шутки Стас. – Впервые женщина оставила мне деньги...

– Мама тоже оставляла тебе деньги, – я все еще надеялся свести все к остромам или хотя бы разбавить вселенскую грусть Стаса.

– Иришка отлично знает, что я не могу позволить себе покупать все эти деликатесы, без которых она жить не может. Раньше она всегда привозила эти кушанья с собой. Мы даже по магазинам вместе не ходим, чтобы я не был вынужден платить за покупки. Мы даже по дорогим ресторанам вместе не ходим, а Иришка заранее все заказывает на дом. Она берегла меня, мою гордость, мое достоинство. Я очень это ценил в наших вообще-то непростых отношениях. А сегодня она просто оставила деньги. Как содержанцу. Как жигало...

Мы помолчали.

– Ничто во внешности мужчины не раздражает женщину так, как отсутствие денег. Почему у нее денег больше, чем у меня?

Взгляд Стаса был печален до анабиоза.

– Я тебе еще не сказал о самой большой несправедливости природы по отношению к мужчине: женщинам можно плакать! Любая женщина имеет право плакать и использовать свои слезы как оружие, а мужчины лишены этой привилегии. Стиснув зубы, мужчина прячет все в себе. Поэтому мужчины чаще болеют и раньше умирают. Каким бы я был хорошим человеком, если б я был моложе, красивее, здоровее и женщиной...

– Стас, я согласен поговорить о том, как обыграть казино.

– Не сегодня.

Ненавижу тайны! Неправда, что тайны сближают. Это только кажется, что тайна – это всего лишь разновидность молчания. Меня просто в ужас приводит простая мысль о том, что обычно близкие люди знают о тебе гораздо больше, чем ты можешь себе представить.

Тайна – это как сорняк в душе.

Я всегда был уверен в том, что для человека самый главный собеседник – это он сам. Общению с другими мы почему-то уделяем гораздо больше внимания, чем разговорам по душам со своей душой, или как там она называется, не знаю, не важно... Я знаю, что во мне живут какие-то твари, которые ругают меня противнее, чем отец в школьные годы за незаполненный дневник. Они действительно твари, потому что мешают совершать решительные поступки ненужными сомнениями, которые на самом деле уже давно пора считать симптомом душевных заболеваний. Они мучают напоминаниями о том, что кто-то не так подумал о тебе. Этот «кто-то» уже давно забыл о твоём существовании, а те, кто в тебе живут, все пересказывают тебе его реальные и придуманные слова о том, какой ты лох и простофиля. Эти внутренние голоса почти всегда молчат, когда тебе хорошо, во всяком случае, мои голоса точно молчат. Но стоит сделать глупость или просто засомневаться в своей правоте, как они появляются, чтобы отравить тебе жизнь, но не сильно, чтобы не умер, а просто помучался. Появляются, чтобы распять тебя за неудачную шутку. Поиздеваться над тобой за пятно на рубашке. Потретировать тебя за то, что так и не научился забивать гвоздь в стенку, и назвать тебя бездарем за каждый плакат или ролик, который получился не слишком гениальным или, по крайней мере, всего лишь просто талантливым.

Однажды я решил разобраться с этими противными голосами внутри себя. Решил поговорить начистоту с каждым из них по одиночке. Оказалось, что по одиночке они слабаки.

Я знаю, что из себя представляет моя совесть. Это всего лишь внутренний голос, напоминающий, что за мной могут следить. Я подумал, что «могут следить» – это вовсе не означает, что следят на самом деле. А если и следят, то не факт, что разберутся в том, что я сделал или мог сделать, но не захотел. После того, как я понял это, я совести не боюсь. Нет, мы с моей совестью не стали друзьями, и даже приятельскими наши отношения сложно назвать, да я и не стремлюсь к этому. Мне достаточно понимания того, что, оказывается, чтобы усмирить урызвения совести, надо просто поговорить с ней по душам.

– Привет, совесть. Неважно выглядишь...

– В последнее время ты доставляешь мне много хлопот.

– Извини, извини... Столько событий происходит в последние дни. Ты заметила, что когда ничего не делаешь, мне спокойно с тобой, а тебе со мной?

– Думаешь, сказал пару раз «извини», и я от тебя отстану?!

– А что мне делать? Пойти к клиенту и сказать, что я ему всучил ненужной рекламы на несколько десятков тысяч долларов? Пойти к Стасу и сказать, что его подруга – проститутка? А, может быть, еще и жениться на всех девушках, с которыми переспишь?! Они, кстати, как ты заметила, к этому не очень-то и стремятся.

– Не доводи все до абсурда, – как мне показалось, совесть стала меня успокаивать. – Ты мог не допустить этого. Без меня в твоей жизни таких ситуаций будет больше. Ты должен осознать это.

– И как мне это сделать?

– Делать добрые дела. Баланс добра и зла в мире и в твоей душе не должен существенно нарушаться.

– Хорошо, я отдам всю мелочь бабушкам у метро.

– Не мелочись!

– Индульгенции подорожали? Инфляция?

– Как ты смеешь собственную совесть приравнивать к продажным священникам?

– А что собственно ты, совесть, можешь со мной сделать?

– Разбужу завтра посреди ночи и буду мучить вопросами.

– Ну и ладно: почитаю книгу или посмотрю видик.

– Ты будешь краснеть каждый раз, когда врешь.

– Ладно-ладно, совесть, не сердись на меня, говори, что надо сделать.

– Сделай кого-нибудь счастливее.

Я разговариваю сам с собой, будто играю сам с собой в шахматы. Я делаю ход только после того, как просчитаю ответный. Этот ответный ход всегда толковый, иногда даже красивый. Но всегда предсказуемый. И поэтому в этой партии в шахматы я никогда не проигрываю. Иногда играю вничью или вынужден брать тайм-аут, но никогда не проигрываю. А это значит, что с самим собой вполне можно обо всем договориться.

Утро следующего дня было особенно длинным. Ожидание почему-то всегда удлиняет время. Сомнения всегда притормаживают часы.

Кристина собиралась на работу как всегда неторопливо и тщательно. Сразу после того, как она переехала ко мне, в первые же выходные, она потащила меня в мебельный магазин и заставила купить нечто несуразное из трех зеркал и с множеством полочек. Кажется, это уродство называется трюмо. Стоило мне приблизиться к нему, как моя неформатная фигура пугающе отражалась по-разному в трех зеркалах одновременно, я себя начинал чувствовать Змеем Горынычем в старости, и, отплеываясь про себя матом, отползал к спасительному телевизору.

Чтобы эта зеркальная дура не перегородила всю комнату, пришлось выбросить журнальный столик и стоявшее возле него старенькое кресло. Торшер, под которым я всю свою сознательную жизнь сидел на том кресле, читая журналы, лежавшие на том столике, мне удалось отстоять. Полки этого зеркального чудовища мгновенно были заставлены какими-то тюбиками и баночками. Это место квартиры я старался обходить стороной, что было непросто, учитывая, что в единственной комнате не было и двадцати квадратных метров. Надо ли говорить о том, что для Кристины ее зазеркалье было любимым пристанищем в нашем доме, иногда мне даже казалось, что еще более любимым, чем наша постель, что порождала во мне какую-то нездоровую ревность к зеркалам. Когда Кристина садилась перед трюмо обнаженной, я был почти уверен, что не только она смотрится в эти зеркала, но и зеркала, все три одновременно, смотрят на Кристину огромными немигающими стеклянными зрачками, разглядывают каждый сантиметр ее тела, чего-то там себе замышляют...

В то утро Кристина сидела перед трюмо почти без одежды как-то особенно долго. Было ли причиной этого неудачный макияж левого глаза, или просто мне казалось, что время тормозит еще сильнее, чем я? Или причина в том, что сегодня меня впервые очень настораживают женщины, которые стремятся отлично выглядеть? Сегодня мне кажется, что они просто пытаются себя подороже продать.

Почти каждое утро рабочего дня Кристина брала у меня деньги из кошелька. Немного брала, тысячу рублей, иногда две. Когда она рылась по карманам в поисках кошелка на моих глазах, она всегда бросала вопросительный взгляд на меня. Интересно, она так спрашивает разрешения взять деньги или просто просит побыстрее сказать ей, куда же все-таки запропастился мой кошелек? Не знаю, в ответ на этот взгляд я просто улыбался, и такой ответ Кристину всегда устраивал. Она, конечно, зарабатывала немного, и тратила на косметику больше, чем ей платили на показах и фотосессиях. Первые дни я сам всегда совал ей по карманам тысячные бумажки. И поэтому, когда она шарилась по моим карманам, это выглядело, будто она избавляет меня от необходимости самому давать ей деньги. Когда вдруг в кошельке денег не было, Кристина ни разу не заговаривала об этом, а просто на следующее утро снова открывала мой кошелек. На третий день, максимум на четвертый, в моем кошельке снова появлялись деньги, и Кристина продолжала снова брать понемногу. Они ни разу не попрекнула меня тем, что из-за этих пауз безденежья чего-то не смогла купить, и я это очень ценил. Конечно, она постоянно просила меня что-нибудь ей подарить, но всегда делала это почти в шутку, не настаивала, никогда из-за этого не портила настроения ни мне, ни себе, всегда просила что-то очень реалистично доступно, и, в конце концов, я с удовольствием ей это дарил.

Интересно, что изменится, если в кошельке не будет денег неделю? Две недели? Мы ведь с Кристиной никогда не говорили о деньгах, не планировали вместе крупные покупки, зарубежные поездки... Как она говорит о деньгах? Как жена или как проститутка? А что ты знаешь о том, как жены говорят о деньгах? И готов ли ты рисковать тем миром, который тебя в данный момент устраивает?

Я давно уверен в том, что денежные отношения – самые честные. Меня пугают женщины, которых не радуют деньги. И так-то женщины совершенно непредсказуемы, а с теми, кто не любит деньги и подарки, теряешь даже ту чуть ли не единственную возможность сделать что-то наверняка беспроегрышное. Я вдруг впервые подумал о том, что деньги всегда сильнее, чем слова, помогали мне влиять на женщин. И, судя по тому, что чем дороже машина, тем красивее женщина, которая в ней сидит, деньги помогают всем – и мужчинам с деньгами, и женщинам без денег. Когда у меня бывали приступы лени или просто не было времени на ухаживания, деньги всегда помогали мне обратить на себя внимание. Они были подземным ходом в осажденную крепость. Или формой подкупа того, у кого были ключи от городских ворот. И я почему-то никогда не задумывался над разницей между «подкупить» и просто «купить»? Может, зря не задумывался?..

Я встал с постели, достал из кошелька тысячу рублей, подошел к трюмо, поцеловал Кристину за ухом, чуть оттянул резинку трусиков и прижал ею голубую купюру. Недавно в стриптиз-баре я в каком-то угаре почти также совал деньги в трусики стриптизершам.

Это кольцо на безымянном пальце левой руки Кристины я заметил не сразу. Сначала я просто подсознательно удивился белому цвету металла. Подсознательно удивиться – это значит обратить внимание на что-то важное и долго уговаривать свое сознание не придавать этому значение. Как долго вам удастся такое? Мне удастся очень долго, минуты три...

– Католики на этом пальце носят обручальные кольца...

«Кто тебя зовет в жены, Кристина?» – спрашиваю я.

– Кто сегодня придает хоть какое-то значение тому, на каком пальце что носить? – отвечает Кристина.

– Ты всегда обожала золото.

«Кто тот счастливчик, кто хочет сделать тебя счастливой сильнее, чем я?» – спрашиваю я, будто это на самом деле меня интересует.

– Это всего лишь серебро, – улыбается мне Кристина.

– Или платина?

«Что в нем особенного, кроме того, что он богаче меня?» – интересуюсь я.

– Зато это не автомобильная гайка, – Кристина не хочет отказывать себе в праве уколоть меня.

Я взял Кристину за руку, чтобы посмотреть на свет сквозь яркий прозрачный камешек.

– Блеск бриллиантов всегда тебе к лицу...

«Откуда он у тебя?» – спрашиваю я.

– С подружкой случайно заскочила в ювелирный. Не могла удержаться. Я всегда говорила, что ты ничего не понимаешь в бриллиантах. Потому что это не бриллиант, а всего лишь цирконий.

Вы можете отличить с первого взгляда бриллиант от циркония? Я не могу...

– Хоть это не бриллиант, но все равно ярко смотрится. Правда? Тебе нравится? – воркует Кристина.

Я не верю, что это ее покупка. Человек, который привык к подаркам, сам делает такие покупки крайне редко. И если это действительно чей-то подарок Кристине? И если я знаю, что это не мой подарок? Как себя вести? Расстраивать себя и ее подозрениями? Пытаться поймать ее на лжи?

На каждый мой вопрос у Кристины находится ответ, и пока для меня это важнее того, что ответы Кристины мне не нравятся.

Я оттягивал встречу со Стасом как только мог, но моя интеллигентская привычка выполнять обещания, с которой я безуспешно боролся несколько последних лет, все-таки взяла верх. Я заехал к Стасу на работу уже поздним вечером. В бизнес-центре почти никого не было. Мы уселись в удобные кресла в огромном гулком холле, свет был приглушен, где-то рядом булькала вода фонтана.

Я в последний раз попытался уйти от разговора:

– Никогда не любил играть в карты.

– Потому что никогда не играл на деньги, – жестко ответил Стас.

Я смирился.

– Давай начнем с того, что я гарантированно выиграю у тебя десять рублей, – тоном волшебника начал Стас. – У тебя есть десять рублей? Выкладывай. Это небольшая плата за те знания, которые ты сейчас получишь. Теперь доставай монету, у которой есть орел и решка.

Давай, я проверю, что это действительно настоящая монета, а не какая-нибудь крапленая с двумя орлами, которую ты специально носишь с собой, чтобы обыгрывать таких олухов, как я.

Становилось весело, и это понемногу начинало примирять меня с реальностью.

– Давай договоримся, что если сейчас выпадет орел, то я тебе плачу десять рублей. Если решка – то десять рублей платишь ты. Согласен?

– А у меня есть выбор?

– Конечно, нет. Но сейчас не об этом. Бросай...

Монета из-под потолка упала на пол, забила в истерике и легла орлом вниз.

– Я безропотно отдаю тебе десять рублей, – сказал Стас.

– Давай закончим на этом. Будем считать, что я обогатился.

– Нет, ты обязан сыграть со мной еще. Но теперь я ставлю двадцать рублей, а ты тоже двадцать рублей – свою десятку и мою десятку. Бросай...

Монета снова упала орлом вниз.

– Нет, не орел...

– Сам вижу.

– Я не о монете. Я – о тебе.

– Ты обязан со мной сыграть еще раз. Теперь я ставлю сорок рублей, и ты – тоже сорок рублей.

Монета опять легла орлом вниз.

– Нет, я не остановлюсь. Я ставлю восемьдесят рублей.

Монета упорно ложилась орлом вниз.

– Ставлю сто шестьдесят...

– У тебя денег хватит?

И снова монета легла орлом вниз.

– Моя следующая ставка – триста двадцать рублей.

Стас пересчитал выигранные мною деньги, тщательно разложил на столе свои деньги и решительно сказал:

– Бросай...

– Может, ты бросишь. А то, когда я у тебя выиграю квартиру, будешь говорить, что я бросал как-то неправильно.

– Нет, бросай ты. Это принципиально.

– Ладно, раз ты настаиваешь...

Наконец-то, с шестой попытки монета легла орлом вверх, и Стас не без гордости сначала убрал в кошелек свои деньги, потом мою пачку, в которой на самом деле лишь десятка была его выигрышем.

– Какова вероятность того, что орёл не выпадет никогда? Я посчитал. Вероятность того, что орёл не выпадет первым же броском, составляет один к двум. Вероятность того, что орёл не выпадет ни первым, ни вторым броском – один к четырем. Дальше вероятность уменьшается в геометрической прогрессии. Из трёх бросков – $1/8$, из четырёх – $1/16$... из десяти – $1/1024$. Таким образом, вероятность того, что орёл выпадет хотя бы один раз за десять бросков, составляет более 99,9%. Можно ли утверждать, что я почти наверняка выиграю в такую игру десять рублей? Конечно, можно: вероятность 0,999 близка к стопроцентной. Но для этого нужно, во-первых, чтобы ты согласился играть на таких условиях, а во-вторых, иметь достаточный запас денег: ведь к десятому броску, если орёл не выпадет раньше, я уже заплачу тебе 5110 рублей ($10+20+40+80+160+320+640+1280+2560$), а величина ставки в десятом броске составит 5120 рублей – итого 10230 рублей.

– Ну, и кто же согласен играть на таких условиях?

– Казино. Любое казино. С рулеткой дело обстоит точно так же, если ты ставишь на так называемые равные шансы: красное-чёрное, чёт-нечёт, больше-меньше. Разница лишь в том,

что вероятность выпадения каждого из этих шансов составляет чуть меньше половины – не $1/2$, а $18/37$, за счёт того, что на рулетке есть zero. На самом деле, бросая монету, есть вероятность того, что она останется стоять на торце.

– Если бы все было бы так просто, казино давно обанкротились бы, а они, как видишь, процветают.

– Да, здесь есть нюанс. Я зашел в казино, и понял, что против этой системы сделано. Игорное заведение имеет простой способ не допустить превращения игры в скачку со ставками, где игрок был бы практически обречён на выигрыш, вот каким образом: верхний предел ставок в казино ограничивается! Между минимальной ставкой и максимально разница в 50 раз. Начиная с двухсот рублей я не могу поставить на красное или черное больше 10000 рублей. Минимальны и максимальные ставки на разных столах разные, но расстояние между ними такое же – в 50 раз. То есть у меня есть возможность увеличивать ставку восемь раз.

– Все, можно считать наш фокус с разоблачением состоявшимся, все по домам.

– Да подожди ты. Подумай, само ограничение верхнего предела ставок есть доказательство того, что система, основанная на принципе увеличения ставок, представляет для казино опасность. Как ты думаешь, почему в казино мне не хотят разрешить поставить больше десяти тысяч рублей? Думаешь, у них не хватит денег рассчитаться? Но в соседнем VIP-зале Вы можете сделать ставку двадцать тысяч рублей и даже сто тысяч! Денег, скорее всего, хватит. Дело в другом – в соотношении максимума и минимума. Там, где можно поставить сто тысяч, минимальная ставка на красное или черное – две тысячи рублей. Иначе шансы на выигрыш стали бы непозволительно высоки. Казино боится этой системы – вот главный вывод.

– Но как при таких правилах иметь возможность поставить с увеличением десять раз подряд?

– А кто заставляет начинать ставить с первого хода? Можно начинать ставить на красное после того, как шарик упадет четыре раза на черное. А такое бывает довольно часто. В казино у каждого стола есть электронное табло, на котором показаны пятнадцать или даже шестнадцать последних выпавших чисел. Не надо ничего запоминать и записывать. Просто смотри и начинай ставить с того момента, с которого сочтешь нужным. Я прикинул, что, начиная ставить с тысячи рублей на равные шансы и имея в кармане пятьдесят тысяч, при быстрой игре за час можно выиграть тысяч восемь-девять. Больше шестидесяти тысяч за рабочий день... Ты когда-нибудь столько зарабатывал?

– Я не верю в то, что так легко можно выиграть. Когда я бросаю монету или запускается шарик, то будет орел или решка, будет красное или черное – это абсолютно не зависит от результата предыдущего броска. Рулетка – это ведь слово женского рода... Про женскую логику есть хороший анекдот. Теперь я буду давать тебе задания, ладно? Скажи, какова вероятность встретить живого мамонта на Невском проспекте?

– Никакой вероятности.

– Ответ мне: это также невероятно, как то, что монетка сто раз подряд упадет орлом вниз?

– Еще менее вероятно.

– Не горячись. Представь, что не только в фильме «Парк Юрского периода» смогли из комара клонировать доисторических животных, но так случилось на самом деле. Можешь представить? Напрягись. Это даже легче, чем бросать монетку.

– Допустим, представил...

– Теперь допусти вероятность того, что мамонты ведут себя примерно также, как слоны.

– Допустил.

– Тебе знаком тот исторический факт, что несколько веков назад, когда кто-то из наших царей получил в подарок слона, его на самом деле провели по Невскому проспекту.

– Да, я читал об этом.

– То есть, теоретически появление живого мамонта на Невском проспекте возможно. С какой вероятностью?

– Допустим, с такой же, как выпадение монетки орлом вниз двести раз подряд. Или двести пятьдесят раз...

– Не будем спорить о цифрах... Важное другое: твой ответ – это типично неправильный мужской ответ! Любая нормальная женщина скажет, что вероятность встретить мамонта на Невском проспекте пятьдесят на пятьдесят: или встречу, или нет! А ведь рулетка – женского рода...

Повисшая пауза затягивалась в тугой узел.

– Все, пока! Я обещал поговорить с тобой о том, как обыграть казино: я поговорил. Обещание выполнено. Ты меня не убедил.

– Слушай, кончай со мной играть словами. Ты обещал мне помочь...

– Я обещал только выслушать тебя.

– Для игры мне нужны деньги и нужен... В общем, ты мне нужен.

– Больших денег у меня нет, я еще за машину полностью не рассчитался... А грабить казино я не пойду: разве я похож на самоубийцу?!

– Тогда я пойду грабить казино один.

Я понял, что в этот момент мне Стаса было не остановить. И любое сегодняшнее сопротивление только усиливало бы его стремление пуститься в рулеточную авантюру. У меня оставался только один шанс остановить Стаса – начать выжидать этот шанс. Быть рядом и ждать. Затаиться как охотнику и ждать подходящего момента, чтобы свернуть его с этой рискованной дороги.

– Хорошо, давай как перед любым важным делом или крупной покупкой возьмем время для охлаждения. Давай две-три недели просто походим по казино, поиграем по мелочи, понаблюдаем за этими дурацкими табло, порассуждаем о превратностях фортуны, познакомимся с игроками, с девчонками, которые шарик бросают... Просто попробуем хорошо провести время. Более того, я готов финансировать наше участие в этом просмотре вертепов азарта: выделяю тысячу долларов. Выигрыш пополам, проигрыш вернешь, когда сможешь, то есть никогда. Но обещай, что за эти три недели ни о каком экшне по-крупному ты даже напоминать мне не будешь. Согласен?

– Согласен.

Стас на прощание пожал мою руку крепче обычного.

Ему уже было под сорок, но в нашей конторе его все почему-то звали просто Веничкой. Это абсолютно не вязалось с ним: высоким, толстым, крикливым и, главное, недоступным в восприятии. И дело даже не в том, что он постоянно громко ругался матом, а в том, что матерные слова были почти единственно понятными словами в его лексиконе. Более того, по матерным словам многие только и понимали, что Веничка хотел сказать на самом деле.

Матом он почти не ругался только при общении с шефом, клиентами и со мной. Не думаю, что это была какая-то его привилегия по отношению ко мне. Просто в большинстве случаев мне удавалось его понимать даже в том случае, когда он выражался иносказательно, и поэтому использовать мат в наших беседах особого смысла не имело. Когда я еще работал журналистом, мне приходилось много общаться с врачами и учиться их циничному языку. Самым простым было освоить словечки типа «вертолет», что означало гинекологическое кресло, и «лыжники» – так врачи называли стариков, ходивших с палочками и шаркавших тапочками. Когда я сам начал понимать, что «наркоз по Кальтенбруннеру» – это недостаточное обезболивание, а «консервы» – это больные, которых лечат консервативными, то есть нехирургическими методами, врачи меня зауважали и даже налили спирта. Не думаю, что мне открылись тайны профессионального сленга, но после врачей разговаривать с представителями любых

других профессий, даже с программистами, было намного проще. Наверное, поэтому в какие-то моменты я понимал Веничку настолько хорошо, что мы могли себе позволить беседы даже на нерабочие темы.

Я всегда знал, что компьютерщики – не от мира сего, но Веничка даже на их фоне выделялся особой прямоотой и незлым презрением к миру непосвященных. В конторе он не занимал каких-то высоких должностей, он просто отвечал за то, чтобы работали все созданные нами сайты, электронная почта, внутренняя сеть, единая база данных и все остальное инетовское обеспечение нашей деятельности. Ни один важный вопрос, связанный с Интернетом, не мог быть решен без участия Венички. Почти для всех разговоры с Веничкой были испытанием на сообразительность и психологическую устойчивость, и потому наши многочисленные дизайнеры, журналисты, агенты настраивались на вынужденные разговоры с Веничкой заранее, некоторые даже готовили конспекты, но в большинстве случаев это не спасало их от мата и долгих попыток понять то, что они услышали.

На нашем официальном сайте Веничка рядом со своим официальным именем и перечнем обязанностей честно написал, что в простонародье, то есть внутри нашей конторы, его зовут просто Веничкой, и что без особой на то необходимости клиентам лучше напрямую его не беспокоить, чтобы случайно не нарваться на ненормативные технические термины. На этом же сайте нашего юриста он назвал менеджером по борьбе с российским законодательством, а шефа – генеральным менеджером по работе с людьми. Шеф долго пытался вернуть себе свою официальную должность, но Веничка упорствовал:

– Вы, шеф, ведь не считается своих сотрудников персоналом, кадрами или просто быдлом, что собственно одно и то же. Вы управляете людьми. Несовершенными, но все-таки людьми. Поэтому с ними надо работать. В этом и заключается ваша должность и, если желаете, то и ваша миссия.

После таких слов шеф смирился с неофициальным названием своей должности.

Веничка получал самую высокую зарплату. Только шеф и он имели отдельные кабинеты. Только он мог приходить когда угодно и уходить когда угодно, конечно, при условии, что в конторе ничего не подвисает. И такое особое положение было для многих предметом зависти, и я не был исключением.

– Хорошо тебе: ты незаменим и можешь себе позволить приходить к обеду, материться и работать в отдельном кабинете.

– Если ты незаменим, то тебя никогда не повысят, – ответил Веничка, и впервые в его голосе мне послышалась грусть.

– Зачем тебе повышение, ты и так здесь почти самый главный?

– Глюкало замучило и глюкодромы надоели, – резанул Веничка, что, если я правильно понял, означало, что ему надоело возиться с компьютерами и компьютерными программами.

– А по мне так самое сложное – это пытаться управлять людьми. Вещи более благодарны вниманию к себе. И даже если они ломаются, то делают это честно, без кривляния и ультиматумов.

– Недружественные интерфейсы настое... – задумчиво произнес Веничка. – Надо в этой конторе провести оптимизацию.

– Выбросить все, что плохо работает?

– Я тоже не знаю, как это сделать.

В кабинет к Веничке неосторожно заглянул наш коммерческий Серега:

– Тут один очень важный клиент спрашивает, можно ли на его сайт закачать все его рекламные видеоролики?

– Невозможно, если задачу будут ставить мудаки.

Серега не стал задумываться над тем, кого Веничка назвал плохим словом.

– И еще он спрашивает, сколько времени нам потребуется, чтобы сделать это.

– Год, – ответил Веничка.

– Никогда, – перевел я Веничку.

Сергеа озадаченно сел на первый попавшийся стул и приготовился слушать матерную тираду, но я опередил Веничку:

– Наш уважаемый программист сейчас хочет спросить у тебя имя клиента, чтобы вспомнить, может ли его сайт поддерживать видеофайлы или придется этот сайт оптимизировать. Еще Веничка хочет знать хотя бы приблизительно общую продолжительность рекламных роликов, которые надо загрузить на сайт. Только после этой информации можно понять, сколько времени займет решение поставленной задачи.

Сергеа благодарно вышел.

– Зачем ты помешал мне надругаться над ним? – с укором в голосе спросил меня Веничка.

– Я и сам уже жалею о том, что лишил себя удовольствия услышать язык подворотен, возведенный тобой в ранг искусства.

– Напрасно иронизируешь, – Веничка сегодня был на удивление лиричен. – Мат богат эпитетами и очень выразителен. Нет такой чистой и светлой мысли, которую было бы невозможно выразить в матерной форме. Мат очень удобен при разговоре с непонятливыми людьми. Он строг и точен, поэтому военные так любят отдавать команды именно матом. Это очень живой и веселый язык. Русская речь без мата превратилась бы в доклад. И самое важное: мат незаменим, когда кончаются слова.

– Про мат я наверняка знаю только то, что, когда у меня ужасное настроение, кричать матом намного дешевле, чем идти к психоаналитику.

Домой я вернулся раньше обычного и увидел Кристину, которая аккуратно укладывала вещи в большой чемодан.

– Ты меня кидаешь?

– Как ты мог такое подумать?! – мило проворковала она, в этот момент ее явно сильнее волновало содержимое чемодана. – Я улетаю к маме... Не провожай меня. Я позвоню...

– Ты не говорила мне, что уезжаешь?

– Говорила, но ты забыл.

Когда тебе надо соврать о чем-то не очень важном, то проще всего сказать, что твой собеседник забыл этот разговор.

– Когда тебя встречать?

– Я же сказала, что позвоню. Но не раньше, чем через две недели.

– Почему ты не хочешь, чтобы я тебя проводил? У тебя большой чемодан...

– Неужели тебе не приятно, что хотя бы часть хлопот я беру на себя?

– Ничего приятного в этом нет. Приятное и нормальное как раз заключается в том, чтобы помогать...

– И все равно не провожай меня.

В ее голосе скользнуло раздражение. Если забота начинает раздражать, то, значит, тебе не хотят быть обязанным или просто что-то скрывают.

– Передавай маме привет от меня.

– Непременно, – чуть театрально сказала Кристина.

Именно таким тоном я всегда вру.

– Ты неплохо выглядишь! – вдруг произнесла Кристина.

Мало что может быть обманчивее женского комплимента. Так женщина обычно решает поддержать твои силы перед тем, как нанести смертельный удар. Если бы она действительно считала, что я неплохо выгляжу, то уже делала бы мне минет.

Я посмотрел Кристине в глаза: она выдержала мой взгляд. Кристина уже уложила все вещи и смотрела на меня с видом сытого хищника, который раздумывает, съесть ли ему кролика сразу или сначала поиграть с ним.

– Но походить в спортзал и покачать пресс тебе не мешало бы...

Если женщина начинает подчеркивать твои недостатки, то только для того, чтобы оправдать свой новый выбор.

Кристина уже чуть приоткрыла рот, чтобы сказать следующую фразу, но тут зазвонил телефон, такси уже было у подъезда, Кристина выскочила за дверь быстрее, чем я успел подхватить ее чемодан...

Я плюхнулся в кресло игрушкой, которой только что досыта наигрались и не сломали даже не из жалости, а только потому, что не хватило времени. А, может, меня специально не стали доламывать, мол, вдруг еще пригожусь? Я почти физически ощущал, как меня пососали и выплюнули, но от чувства гадливости меня спасало то, что я почему-то не хотел всерьез задумываться над всем этим. Сначала я подумал о том, что Кристина была по-своему великолепна в этом прощании, что я не ожидал, что у нее хватит ума говорить двусмысленными фразами. Но потом я понял, что двусмысленные фразы рождаются у женщин не в уме, а в каком-то другом органе, о существовании которого все догадываются, но никто точно не знает. Хотя отъезд Кристины был похож на побег, я сразу попытался найти в нем положительные стороны, и вдруг понял, что их на удивление много. Во всяком случае, теперь не надо ломать голову над тем, как объяснить Кристине, почему теперь по вечерам я буду ходить со Стасом в казино, а не водить ее по ресторанам, клубам и кинотеатрам.

Я позвонил Стасу:

– Как это ни противно признавать, но я готов сегодня предаться разврату и пойти с тобой играть в рулетку.

Наш первый выигрыш в казино, около ста долларов, Стас решил поделить не поровну, а по-честному. Половину он забрал себе, чтобы купить Иринке ее любимую черную икру и бутылку французского вина, а на вторую половину выигрыша мы вместе пошли в ресторан, который располагался здесь же, в казино, этажом ниже.

– Казино – это потрясающий феномен! – громко почти прокричал на весь зал Стас, и, если бы этот ресторан не принадлежал казино, нам наверняка сделали бы замечание. – Казино – оплот свободы выбора в нашем жестко детерминированном мире. Здесь ты постоянно можешь выбирать. А ведь выбирать так важно! И это на самом деле так редко происходит! Ты не можешь выбирать родителей и детей. Ты обычно только раз в жизни выбираешь профессию и любимую футбольную команду. Ты только несколько раз в жизни выбираешь себе жен и дома. Все остальное решают за тебя. А когда речь заходит о свободном времени, то большей несвободы для мужчины сложно представить.

– Начальник говорит тебе, когда у тебя отпуск, жена решает – где, – пробубнил я.

– Вот именно... Старые афоризмы хороши как выдержанное вино.

Я уже понял, что Стас затащил меня сюда, чтобы продолжить читать лекцию о пользе казино.

– Главная свобода заключается в том, что ты можешь идти играть или можешь не ходить – у тебя есть право выбора. А если ты сделал выбор в пользу «прийти», ты сразу получаешь огромное количество вариантов выбора во время игры. Ты можем ставить фишки на рулетке, когда шарик уже крутится. В блек-джеке ты сам решаешь брать или не брать еще одну карту и точно знаешь, что дилер остановится на семнадцати. В покере ты тоже ведешь игру: покупаешь карты, сбрасываешь... Конечно, это только имитация выбора, но вполне реалистичная: здесь живыми деньгами вознаграждается правильный выбор и деньгами наказывается выбор непра-

вильный. Словом, радуйся выигрышу и огорчайся неудачам. Если ты идешь за эмоциями, а не за деньгами, то казино – это классный экшен.

– Но мне не нравятся актеры этого экшена. Они – злые. Они кричат и матерятся сильнее, чем на футболе. Но на футболе люди от негатива избавляются. А здесь, мне кажется, покупают негатив за собственные деньги.

Стас быстро опьянел, спорить не стал и уехал покупать икру. Возвращаться в опустевшую квартиру мне не хотелось. Я снова поднялся в казино, сел за рулеточный стол, взял фишки самого маленького достоинства, иногда делал ставки, иногда пропускал броски, иногда заставлял фишками все поле, потом, когда проиграть захотелось сильнее, чем выиграть, начал ставить по десять-пятнадцать фишек на единственное поле.

Статный колоритный кавказец, у которого, казалось, даже под дорогим костюмом есть кинжал, как зачарованный смотрел на мои упорные попытки проиграть оставшиеся деньги.

– Слушай, дорогой, почему ты всегда ставишь только на 36?

– Это мой день рождения.

Мир, еще мгновение назад озадачивавший его, снова стал простым и понятным:

– Правильно делаешь, – подмигнул он мне. – Я то же люблю ставить на свой день рождения.

В тоже мгновение шарик забился в маленькой ячейке с цифрой «36». У кавказца опять на минуту потерялся смысл, но мне было уже не до него.

– Вам сегодня везет, – улыбнулась мне крупье, отсчитывая выигрыш. На бэйдже я прочитал ее имя – Майя.

– Поздравляю вас! – еще раз улыбнулась она.

У Майи лицо, которое ждет и даже ищет повод улыбнуться приветливой улыбкой уверенного в себе человека. «Такая улыбка – почти единственное спасение несимпатичных девчонок», – подумал я тогда.

– Поздравляем! Поздравляем! – донеслось с разных сторон от сотрудников казино.

Я понял намек и чуть картинно бросил несколько фишек на стол:

– На чай!

Потом бросил еще пару фишек:

– На сахар!

– Спасибо! – как эхо раздалось с разных сторон.

Я посмотрел на Майю. На безымянном пальце левой руки еле заметно блеснуло колечко с небольшим камешком. «Почти как у Кристины...», – не мог не подумать я.

Майя еще раз улыбнулась:

– Правда, поздравляем, не из-за чаевых, просто так.

Я собрался уходить, когда уже светало.

У рулетки действительно все-таки есть загадка. Вот катится шарик, сталкивается с отбойниками, на исходе сил перекачивается через бортики... Вот он перевалился через бортик, и упал в ту цифру, на которой ты поставил максимальную ставку. Твой выигрыш один к тридцати пяти, и ты богач в этот день. Несколько таких попаданий, и ты свободен. Ты можешь день, неделю, месяц не ходить на работу, есть в лучших ресторанах и, возможно, даже съездить куда-нибудь к морю. И все это время жить с надеждой, что в следующий раз тебе тоже повезет, и твоя беззаботная свободная жизнь продлится до старости, которой не будет. Во всяком случае, именно так ты думаешь о старости в этот момент. Перекачивается шарик через бортик, и ты можешь делать то, к чему стремишься в своей обычной жизни, вкалывая по десять часов, не понимая начальников, идя на конфликты, мирясь с давно нелюбимыми женщинами... Ты очень зависишь от них: начальников, бизнес-партнеров, женщин... Ты миришься с этой зависимостью ради того, чтобы добиться того же самого, чего ждешь от рулетки: нескольких дней

свободы в окружении комфортных идей, любимых людей и красивых вещей. Так от чего же лучше зависеть – от этого шарика, который может и не перевернуться через бортик, отделяющий его от твоей максимальной ставки, и от людей, которые тебе несимпатичны уже потому, что от них зависит все самое светлое в твоей жизни?

Под утро мне все сильнее хотелось зависеть от шарика.

Весь день мне попадаются на глаза влюбленные парочки. Сегодня их на удивление много: десятки парочек, сотни, кажется, что весь Петербург состоит только из двадцатилетних влюбленных парочек. Они целуются, когда на светофоре переходят улицу перед моей машиной. В пробке они идут со скоростью потока, почти все время напротив моей машины, и целуются, целуются... Однажды я не выдержал, со всей дури посигналил, девчонка вздрогнула, как испуганный воробушек, а парень долго крутил мне пальцем возле виска.

Какое они имеют право целоваться?! А что делать тем, кто сейчас не имеет такой возможности? Куда подевались бабушки? Куда делись мужики в возрасте за сорок? Почему не гуляют пенсионеры, ведь прогулки так полезны для здоровья? Почему сегодня мир состоит только из очаровательных девчонок и влюбленных парочек?

Я, конечно, понимаю, что парочек сегодня не больше, чем в любой другой день. Но раньше я их не замечал, а сегодня они бросаются мне в глаза, как собаки на кошек. И каждая парочка болью укола тупой иглой напоминает мне о странном отъезде Кристины. Является ли боль обязательной в отношениях между мужчиной и женщиной и такой же естественной как радость? Или это сигнал болезни?

Когда-то врачи учили меня уважать боль, ведь именно болью человеческий организм сигнализирует о том, что где-то внутри что-то сломалось и необходимо лечение. «Боль дает тебе шанс», – говорили они.

Следующим вечером мы со Стасом играли на рулетке за одним столом. Других игроков не было. Крупье была Майя, и я уверен, что она не могла не слышать наш разговор.

– Игроки, конечно, народец так себе. Они злые и часто ведут себя не по-мужски. Правильно, Майя?

Майя улыбнулась мне, будто что-то подарила, но сказала лишь дежурно-чеканное:

– Делайте ставки, господа!

Следующая фраза была отрепетирована мною пять минут назад в туалете:

– Зато какие потрясающие девушки работают в казино!

Взгляд Майи я чувствовал, даже не отводя глаз от вращающегося шарика.

– Симпатичные, конечно, но ничего особенного, – подначил меня Стас.

– Ты не понимаешь, – чуть театралью начал горячиться я. – У дилеров казино масса достоинств по сравнению с просто симпатичными девушками. Ничто не делает лицо женщины таким осмысленным, как подсчет денег. Они умеют хорошо считать деньги. Более того, они знают реальную цену деньгам. Они работают как на конвейере, всю ночь напролет за не самую большую зарплату. Так могут поступать только очень трудолюбивые и ответственные девушки. И самое важное – у дилеров казино потрясающе устойчивая психика. На них матерятся, кидают в них фишки, кричат, а они скрипнут зубами и дальше, как ни в чем не бывало, продолжают крутить шарик и раскладывать карты. Словом, когда я выиграю много денег, то женюсь только на девушке из казино.

– Я согласна, – вдруг сказала Майя. И быстро добавила: – Все ставки проиграли.

Она быстрыми движениями собрала с игрового стола все наши проигравшие ставки и заученно отбарабанила:

– У вас будет обмен?

Пожалуй, я получил намного больше, чем рассчитывал получить от этой незамысловатой инсценировки. Только после этого я обратил всерьез внимание на Майю. Неужели женщина должна сначала на все согласиться, и только после этого мужчина заинтересуется ею?

В тот же вечер мы со Стасом увидели Майю у служебного входа в казино. Не заметить ее было сложно: так разительно она отличалась от других девчонок. На фоне ярких курток, мини-юбок и высоких каблуков она казалась гадким утенком: ниже ростом, серенькая, почти без косметики... На ней были кроссовки, теплые вязанные колготки, пальто, застегнутое на все пуговицы.

– Девушка в футляре, – фыркнул я.

– Зато обрати внимание насколько все практично. Более удобной обуви, чем современные кроссовки, сложно себе представить. Сколько женщин искалечило себе ноги и здоровье каблуками! Вязанные колготки теплее синтетических – сейчас ведь вовсе не лето. Застегнутая верхняя пуговица пальто защищает ее горло от простуды. Вот ты постоянно чихаешь. А она – нет! Тебе может не нравиться, как она одевается, но согласишься, что стиль прослеживается вполне очевидно.

– Быть в стиле белой вороной – разве это стильно? Быть жутко немодной – разве есть такое название стиля?

– А ты замечал странный парадокс: модники на самом деле редко обращают на себя внимание. Если хочешь выделиться, нельзя одеваться модно. Кто-то очень умный назвал моду периодической переэкзаменовкой на стадность. Мода сегодня – это когда у всех заниженная талия брюк, голый пупок и декольте во всю грудь. Мода – это общий фон, в который сливаются модники в своем наивном желании выделиться, следуя моде. Майя не хочет выделяться, но ей это вполне удается.

– Теоретически ты прав, – под давлением логики согласился я, но продолжил искать изъяны в аргументах Стаса. – Но всему должна быть мера. Мода придумала массу возможностей подчеркнуть привлекательность женщины. Длинноногие блондинки нравятся большинству мужчин на уровне подсознания – это научно доказанный факт. И ничего нет плохого в том, что практически все женщины ходят на каблуках, красят волосы, наносят макияж, пользуются духами...

– Знаешь, глядя на Майю без боевой раскраски, без проколотого носа и уродливых платформ, я с надеждой подумал, что еще остались женщины, которые не считают себя мелкими, страшными и вонючими...

– У Майи все из прошлого, даже улыбка, – почему-то злился я. – Не удивлюсь, если она вместо стрингов носит бабушкины панталоны.

– Ну, вот и проверь.

Мы сели в машину, я собирался подбросить Стаса до его дома. Я включил радио. Стас выключил радио и заговорил странным тоном человека, который говорит вроде бы самому себе те слова, которые на самом деле предназначены его собеседнику:

– У нее идеально ровная кожа с матовым отливом. Это говорит об отменном природном здоровье. Она не курит и даже, возможно, по утрам делает гимнастику в трусиках и маечке. И делает ее не потому, что надо, и даже не потому, что ее приучила мама, а просто потому, что этого требует ее почти идеальное с точки зрения природы тело, и она этому требованию подчиняется.

– Оказывается, точка зрения природы и точка зрения мужчины далеко не всегда совпадают друг с другом, – откликнулся я.

– Она, наверняка, учится, и, скорее всего, в техническом вузе, потому что с цифрами у нее все в порядке, считает она быстро, – продолжал Стас. – И вообще, думаю, она с вещами на «ты»: конечно, она не помогает отцу ремонтировать машину, но пылесос починит легко.

Мы со Стасом любили рассказывать друг другу истории, делать наброски житейских новелл, основываясь только на внешнем виде человеке, его манере держаться, простых поступках, которые мы могли наблюдать короткое время – в магазине, в ресторане, на пляже... «Синдром Шерлока Холмса» был нашей самой любимой общей болезнью. Иногда мы продолжали наблюдать за наиболее яркими индивидуумами, чтобы убедиться в правильности или ошибочности своих предположений. Следили за ними, пытались разузнать подробности. Иногда для этого якобы случайно знакомились... Так Стас начал встречаться с Иринкой. Он был уверен, что она провинциалка, которая уже трижды провалилась в театральный, но будет поступать туда до безумия. Оказалось, что она – коренная петербурженка, а в театре в последний раз была еще в школе. Убедить Стаса в том, что она работает администратором в частном отеле, Иринке большого труда не составило.

– А теперь я должен сообщить тебе самое важное из жизни незаурядной девушки Майи, – продолжал Стас. – Я уверен, что она уже была замужем. Улыбчивые люди очень влюбчивы. Они улыбаются, потому что любят жизнь и умеют ей радоваться. И часто по ошибке вместо того, чтобы продолжать любить весь мир, влюбляются до безумия в первого попавшегося под руку оболтуса. Уверен, что этот несчастный был расплюсчен ее любовью, давно сбежал от нее, но остался ребенок...

– Что может означать это кольцо на ее левой руке? – наконец-то и я включился в наше расследование. – Наверное, это подарок ее парня... Она не любительница украшений, у нее даже уши не проколоты. И кольцо для нее ценно не как украшение, а как напоминание о чем-то важном.

Стас давно уже вышел из машины у своего дома, а я почему-то все продолжал думать об этой девушке не в моем вкусе.

Я всегда знал, что люди, особенно женщины, своим внешним видом, – одеждой, украшениями, макияжем, – пишут целые послания всему человечеству. Мне всегда было лень читать эти послания, потому что я не считал их посланиями. И даже письмами их не считал: так, заметки на полях, не более того. Я никогда не был силен в этом языке из косметики и драгоценных металлов, хотя был уверен, что язык этот достаточно прост, раз им владеют даже пэтэушницы.

Я всегда был уверен, что знаю алфавит этого языка, и, значит, всегда смогу прочитать в нужный момент нужную мне фразу. Все очень просто. Кольцо на указательном пальце – это знак стремления к власти. Указательный палец всегда символизирует власть – это ведь элементарно. Надеть кольцо на среднем пальце – это все равно, что поставить на себя печать с надписью «я красивая» или «я красивый». Кольца на мизинцах носят, как правило, большие оригиналы, которым никак не удастся продемонстрировать свою оригинальность другим способом. Тонкие резкие брови рисуют себе те, кто стремится напустить на себя строгий начальственный вид. Ярко выделяют губы обычно те, кто сознательно или даже подсознательно хочет сконцентрировать внимание на передаваемой информации: почти всегда это учителя, секретари, дикторы на телевидении... Если женщина хочет, наоборот, отвлечь внимание от губ и обратить внимание на глаза, то она обычно делает губы едва очерченными с нейтральным цветом помады. По этой примете бывает легко узнать в рабочие дни врачей и юристов. В выходные дни проще угадывать не профессию, а настроение. По блеску на губах и как бы слегка растрепавшейся прическе я всегда без труда вычислял романтические натуры, у меня для таких случаев всегда были припасены пару четверостиший, и ехали мы в ресторан, в котором на столах стояли свечи, и я, подобно Уайльд Гарольду, весь вечер жаловался на скуку и пустоту, и, следует отметить, как правило, безрезультатно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.